

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Спортивная фантастика

лучшие рассказы конкурса
«Война минус убийство»

Анатолий Герасименко

**Избранные. Спортивная
фантастика**

«Издательские решения»

Герасименко А.

Избранные. Спортивная фантастика / А. Герасименко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937010-5

О, спорт, ты — фантастика! Но будь то финальная партия в го под падающими бомбами, предельное испытание силы воли или регата по Москве будущего — везде в центре внимания остается человек. Именно его силы и возможности, победы и поражения, способность сражаться и выходить победителем из самой безнадежной ситуации — в основе нового сборника.

ISBN 978-5-44-937010-5

© Герасименко А.
© Издательские решения

Содержание

Черный квадрат – белый бамбук	6
Нигредо	20
Читер	27
Гандикап Щипача	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Избранные Спортивная фантастика

Редактор Евгения Езерская

Иллюстратор Елена Войницкая

Иллюстратор Анастасия Иванова

Иллюстратор София Протосовицкая

Дизайнер обложки Алексей Жарков

© Елена Войницкая, иллюстрации, 2018

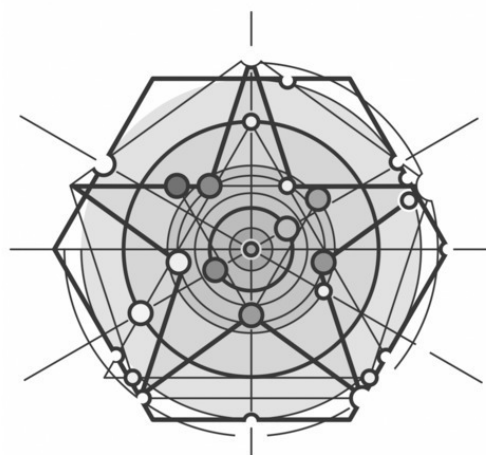
© Анастасия Иванова, иллюстрации, 2018

© София Протосовицкая, иллюстрации, 2018

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-7010-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Черный квадрат – белый бамбук

Юлия Горина

В кабинете господина Ивамото едко пахло табаком и мужским потом.

Приглашенных на беседу было трое, а напротив рабочего стола начальника полиции находился только один стул. И сейчас на нем расположился Серебряный Дракон Араи Мамору, высокий сухой старик с абсолютно седыми волосами. Твердый шелк его хакамы роскошными, похожими на лепестки, складками сминался на широко расставленных коленях, черный расшитый монцуки поверх белоснежной нагадзюбан выглядел торжественно и строго. Он слушал возмущенную отповедь господина Ивамото, глядя прямо перед собой и поблескивая тонкими стеклами очков. По одну руку от старика стоял маленький, похожий на подростка двадцатилетний Накамуро Юки в простом сером костюме, по другую – господин Хига, полный мужчина с заиндевевшими сединой висками. Тонкие усики аккуратной черной полосой окаймляли его верхнюю губу. Одет он был, как и Араи, в традиционную одежду, но кимоно виновато топорщилось на его ссутулившейся спине и от этого смотрелось скомканным и обыденным. Немного склонив голову, Хига не сводил глаз с мечущегося из угла в угол господина Ивамото, чуть прикрывая веки каждый раз, когда голос начальника полиции становился особенно громким.

– Я уже ответил вам, или этого недостаточно? – гневно сверкая потной лысиной, выговаривал Ивамото, стараясь усмирить жаждающие жестикуляции руки. Но они, словно птичьи крылья, то и дело вырывались из-под контроля. – Ну хорошо, тогда я скажу по-другому: я приказываю вам троим немедленно покинуть город! Вы слышали? Я приказываю!

На этих словах Араи медленно повернул к начальнику полиции голову.

– Приказываешь? – тихо переспросил он, поднимаясь со стула.

– Да, господин Араи! Сегодня же!

– Ты, сорокалетний мальчик, отчитываешь меня, семидесятилетнего старика? – с каждым словом голос Араи становился все громче, а интонации – более угрожающими.

Господин Хига испуганно перевел взгляд с Ивамото на сэнсэя, и его плечи еще сильнее упали.

– Ты приказываешь мне и моим спутникам убраться из города? За какое преступление, хотел бы я знать, мы заслужили такое неуважение? – голос Араи Мамору, низкий и хриплый, гулким рокотом расплескался по кабинету, заполняя собой все пространство.

– Сэнсэй, умоляю – не нужно! – пробормотал Хига еле слышно, то ли желая, чтобы его услышали, то ли надеясь, что не услышат. На его лице проступило выражение искренней муки. Он не мог, не смел возражать сэнсэю – но боязнь возможных последствий слов Араи в этот миг оказалась сильнее.

– Нет, господин Араи! – крикнул Ивамото, на западный манер стукнув ладонью по столу так, что графин со стаканами жалобно задребезжали. – Я вам не сорокалетний мальчик, я – начальник полиции!..

– Если ты хочешь, чтобы я говорил с тобой, как с начальником полиции, тогда и ты говори со мной, как подобает с Хонъимбо Араи! – перебил его Серебряный Дракон, полностью игнорируя слабую попытку Хиги вмешаться. – Так чем же мы провинились? Что постыдного мы совершили или замыслили совершить? За всю свою жизнь я не сделал ничего противозаконного! Я нахожусь на территории своей собственной страны и имею право играть, где и когда мне вздумается!

Ивамото открыл было рот, чтобы бросить в ответ что-то резкое, но, встретившись взглядом со стариком, только глубоко вздохнул и устало уселся за стол.

– С вами с ума сойти можно, – выдохнул он, вытирая ладонью лоснящийся лоб.

Хига встревоженно посмотрел на сидящего Ивамото и перевел просящий взгляд на сэн-сэя, с ужасом наблюдая, как белые брови старика начинают возмущенно приподниматься.

И тогда впервые за все это время голос подал Юки.

– Прошу меня простить, – мягко, но уверенно произнес молодой человек. – Господин Ивамото, Хонъимбо Араи старше вас, и он стоит. Вам бы подняться.

Араи бросил на молодого соискателя одобрительный взгляд и уголки его губ дрогнули, словно их коснулась тень улыбки.

– О боги, дайте мне терпения! – воскликнул Ивамото, но все-таки встал из-за стола, – Вот уж правду говорят: слепой змей не видит! Это война, понимаете? И то, о чем я просил ранее, и что требую сейчас – это вынужденная необходимость!

И уже более примирительным тоном добавил:

– Вчера и позавчера нас обстреливали с самолетов, а что будет завтра, никто не может предсказать. Сейчас не время для турнира! Сыграете свою партию, когда война закончится.

Араи покачал головой.

– Господин Ивамото, у вас – одна война, а у нас – сразу две. Шесть партий, три партии выиграл я, три – господин Накамура. Я в шаге от того, чтоб потерять свой титул, он – в шаге от того, чтобы вырвать его у меня. Последняя партия решит исход битвы. И вы хотите нас остановить? Это невозможно!

Ивамото вынул платок из кармана и прижал его к влажной лысине.

– Я же не предлагаю отменить турнир. Я говорю о необходимости отложить последнюю партию до наступления мира!

Араи усмехнулся.

– Юки-сан, мы можем отложить партию? – обратился он к стоящему рядом молодому человеку, предоставляя ему право высказаться.

Тот отрицательно покачал головой.

– Но почему? – недоумевающе воскликнул начальник полиции.

Юки пожал плечами.

– Вы же сами только что сказали, господин Ивамото, – тихо произнес он. – Потому что вчера и позавчера нас обстреливали с самолетов, и каким будет завтра – никто не знает. Мы оба можем не дожить до конца войны, и тогда главный вопрос навсегда останется без ответа.

– И какой же это вопрос, господин Накамура? – измученным голосом поинтересовался Ивамото.

Хонъимбо Араи расхохотался.

– Дерзость юности! Юки-сан лелеет мечту отнять мой титул! И его главный вопрос – достаточно ли он хорош для этого?

– Но ведь тот же вопрос задаете себе и вы, Араи-сэнсэй, – отозвался Юки. – И без ответа наша битва никогда не закончится...

Ивамото озадаченно смотрел на них, не в силах ни понять, ни отвергнуть ту, другую реальность, которой принадлежали эти двое.

А еще краем глаза он видел неподвижные бело-дымчатые тени, похожие на силуэты людей, которые рассеивались, стоило только попытаться на них сфокусироваться.

«Может быть, это знак?» – пронеслось у него в голове. – «Или дело в жаре?..»

– Если я не ошибаюсь, партия длится два дня?

– Именно так, – подтвердил Араи.

– Что ж... Хорошо, сегодня играйте, где запланировали, – сдался Ивамото. – Но завтра организуйте все в пригороде и без лишней огласки – мне сейчас ни к чему большие собрания. Все понятно?

Хига просиял и склонился в поклоне.

– Спасибо, господин Ивамото! Большое спасибо!

Юки тоже благодарно наклонил голову.

– Судья партии счастлив, оппонента тоже все устраивает – видимо, и мне следует быть довольным? – проворчал Араи.

И Серебряный Дракон принял условия.

Лето в этом году выдалось жарким.

Юки легко переносил жару. Ему нравилось, когда дыхание ветра становилось горячим, в воздухе пахло обожженной солнцем листвой, и вызолоченный зноем мир наполнялся звоном цикад.

Сощурившись, он поднял лицо к ясному, без единого облачка, небу и улыбнулся.

Так он видел только лето, без спящих повсюду людей в полицейской и военной форме, без выстроившейся вдоль улицы вереницы боевой техники, без опасно поглядывающих вверх женщин с детьми.

– Сейчас бы в коротеньких штанишках, да на рыбалку? – издевательски протянул у Юки над ухом Араи.

Тот даже бровью не повел.

– Мне не нужно ничего сверх того, что я имею, сэнсэй!

Он обернулся к старику, сияя, как ребенок в день своего рождения перед праздничным тортом.

– У меня уже есть все, о чем я только мог мечтать: сегодня и завтра я играю с вами!

Араи хитро прищурился.

– Если только партия не закончится в один день, маленький выскочка!

Улыбка Юки стала еще шире.

– Это вряд ли. Все-таки вы слишком хороший мастер, чтобы сдаться маленькому выскочке так быстро!

Белые брови Араи взметнулись вверх.

– Наглец!

– Ну что же, встречаемся в школе го через час, как и было назначено? – поспешно встрял в беседу Хига, глядя на часы. – Удивительно, но оказывается, господин Ивамото задержал нас всего на двадцать минут...

Серебряный Дракон усмехнулся.

– Да-а, – нарочито торжественно выдохнул он. – Ничто так не растягивает время, как нетерпение влюбленного, страх и ожидание своей очереди в уборную, а когда...

Слова Араи застыли в воздухе без насмешливого продолжения. Со странным выражением лица он сосредоточенно уставился на ничем не примечательный дом по ту сторону улицы.

– Сэнсэй?..

Араи не отвечал.

– Сэнсэй, вы меня слышите? – озабоченно переспросил Хига.

– Я? – рассеянно отозвался Араи. – Да... То есть что ты сказал, извини?..

Он наконец будто очнулся от внезапно нахлынувшего на него то ли воспоминания, то ли видения.

– Я говорил, встретимся через час. Вы себя хорошо чувствуете? – встревоженно поинтересовался Хига, вглядываясь в побледневшее лицо старика.

– Похоже, не очень. Жарко, наверное. Я пойду отдохну немного где-нибудь в тени.

– Вас проводить?

– Ну вот еще, – возмутился Араи. – Я тебе не младенец, за которым следует присматривать.

Резким жестом он расправил рукава кимоно и уверенно зашагал по дороге, мимо группы почтительно расступившихся перед ним рабочих, по направлению к тонувшей в зелени трамвайной остановки. Но все же не смог удержаться и обернулся, чтобы взглянуть еще раз на дом

с выбитыми стеклами – тот самый, возле которого пару минут назад видел странные прозрачно-белые силуэты.

В учебном классе школы го звенела абсолютная тишина.

Было довольно жарко, но окна не стали открывать, чтобы не впускать уличный шум.

Посередине просторной комнаты стоял гобан, за которым на простых циновках сидели игроки. Сбоку от гобана располагалось место судьи. Лишние столы вынесли во двор, а стулья расставили по периметру комнаты, чтобы зрители могли наблюдать за игрой века – великий Хонъимбо Араи и юный вундеркинд Накамуро Юки в последней схватке должны были выяснить, чье мастерство выше. Опыт и старая японская школа го против молодости и нестандартной игры.

Стульев оказалось слишком мало, и люди, оставшиеся без сидячих мест, переминались с ноги на ногу, почти вплотную прижавшись друг к другу, и с нетерпением ожидали хода Накамуро.

Но молодой мастер не торопился поставить свой первый камень. Крупные капли пота повисли на прядях его челки. Он смотрел на пустую доску, мысленно перебирая все возможные варианты хода – и все возможные ответы на него. Какую игру он хочет сыграть на этот раз? Будет ли это гармоничный танец двух партнеров – или тяжелая, вязкая борьба?

Наконец он запустил дрожащую от избытка адреналина руку в чашу и звонко поставил первый камень на точку три-три, сан-сан.

Зрители удивленно ахнули.

Любой, кто хоть немного разбирался в игре, понимал – это плохой, слабый ход. Так говорили начинающим уже много лет подряд, во всех японских школах го. В играх высокого уровня так ходить было не принято. Араи несколько минут изумленно смотрел на насмешливо поблескивающий черный камень, расположившийся в «запрещенной» точке, и с усмешкой ответил в противоположном углу красивым, классическим ходом четыре-три, оглушительно впечатывая белый камень в доску.

Юки ответил сразу: четыре-четыре, еще один безликий, ученический ход. Араи возмущенно откинул рукава кимоно и опять сыграл безукоризненно и тонко.

Тогда Юки поставил свой камень в центральную точку, и зал не смог сдержать возгласа удивления и разочарования.

Хуже хода придумать было нельзя.

Араи затрясло от гнева.

Он вдруг понял, что Юки над ним просто издевается, нарочно выбирая самые худшие ходы, известные в го. Он решил победить мастера классической игры именно плохими ходами!

Он взглянул на своего противника. Юки был сосредоточен, как никогда, и не отводил взгляда от доски. Его пальцы ритмично то сжимали, то отпускали ткань кимоно на коленях.

Издевается ли?..

У каждого известного «хорошего» хода есть известные «хорошие» варианты развития – и оптимальные ответы на них. Когда человек играет в классическом русле, несложно понять его основные намерения – хочет ли он развиваться в центр, планирует ли атаку или предпочитает вместо плотной борьбы взять без боя свои стопроцентные очки и закрыться. Но с «плохими» ходами прогнозировать планы противника становилось почти невозможно. Араи смотрел на доску – и впервые за много лет игры совершенно не понимал, что хочет сделать его оппонент.

Теперь вспотел Серебряный Дракон.

Нарастающий самолетный гул ворвался в его размышления. Взревела тревожная серена.

Судья Хига поднялся со своего места.

– Я попрошу всех пройти в бомбоубежище!

– Надеюсь, ты это не нам? – угрожающе поинтересовался Араи.

– Нет-нет, я обращаюсь к наблюдателям, – поспешил тот заверить мастера.

– Господин Хига, я бы хотел остаться! – подал голос один из зрителей.

«И я!» – послышалось из толпы. «Я тоже!» – тихим эхом прошелестело по комнате.

– Хорошо, тогда я прошу всех желающих немедленно удалиться, чтобы мы могли продолжить игру!

Несколько человек торопливо вышли, и затворили за собой дверь.

Класс располагался на первом этаже, и теперь через окно было видно, как группы людей – кто-то бегом, кто-то поспешным шагом устремились в ближайшее бомбоубежище.

Гул стал совсем громким, послышались отдаленные выстрелы.

– Кто-нибудь, поставьте седзи! – раздраженно воскликнул Хонъимбо Араи. – Так невозможно спокойно играть!

Толпа зашевелилась, и через несколько минут напротив окна протянулась высокая ширма. Сквозь засвеченные бумажные вставки бегущие от опасности люди выглядели как плавное колыхание теней от качающихся на ветру деревьев.

Старик удовлетворенно кивнул – и повернулся обратно к Юки.

Тот сидел, склонившись над гобаном, и все так же сжимал ткань кимоно на коленях. Он не слышал ни самолетов, ни выстрелов, ни слов судьи.

А за его спиной и вокруг гобана стояли полупрозрачные силуэты, с каждым мгновением становясь все отчетливей.

* * *

Никита уже с ума сходил от нетерпения, когда наконец дверь кабинета Латышко открылась. Джоана Холл, первая леди Федерации Интеллектуального Спорта, одарив молодого симпатичного мужчину мимолетным взглядом, деловито прошуршала мимо него своим причудливым платьем. Картонно поулыбавшись ей вслед, Никита бросился напрямик к Латышко – и чуть не столкнулся с ним в дверях.

– Ну что, Антон Михайлович? Каков ответ?

Латышко неторопливо поправил пиджак.

– Носишься, как сумасшедший... – недовольно проворчал он. – Ты – лицо нашей лиги, изволь держаться с достоинством!

Никита послушно кивнул.

– Да-да, я постараюсь! Так какой ответ?

Антон Михайлович со вздохом пригласил Никиту внутрь.

Кабинет Антона Михайловича был полным отражением предпочтений своего хозяина – сдержанный, лаконичный интерьер с преобладанием натурального дерева. Никакого блеска, хрома или глянцевого потолка. Бумажные книги на полке соседствовали с рабочим планшетным столом, на поверхности которого застыла красивая заставка: гобан с разыгранными в классической манере фусеками.

Дверь плавно закрылась за спинами вошедших.

– Все плохо, Никита, – с горечью сказал Антон Михайлович, присаживаясь на диванчик и небрежно закидывая ногу на ногу. – Миссис Холл твердо убеждена, что го – атавизм, от которого Федерацию Интеллектуального Спорта следует избавить как можно быстрее. И кое в чем она права...

Никита вспыхнул.

– Антон Михайлович, вы же сами говорили...

Нетерпеливый жест Латышко заставил его замолчать. Покачав носком ботинка, Антон Михайлович поднялся, сунул руки в карманы брюк и прошел к окну.

– Мы можем сколько угодно говорить друг другу о том, как важно сохранить го для человечества – мы, видишь ли, все тут немного фанатики. Но в реальной дискуссии нам совершенно нечего возразить.

Он обернулся.

– Когда в последний раз человек выходил победителем в турнирах? Двадцать лет назад? Человек не может победить машину, хоть тресни – это очевидно. Наши мастера теряют какой бы то ни было резон играть и развиваться, школы го пустуют, публика потеряла всякий интерес. ФИС больше не хочет вкладываться в нас – и, к сожалению, это логично...

Никита, потупив взгляд, медленно подошел к Латышко, не зная, как правильно сформулировать то главное, ради чего он пришел.

– Когда будет заседание? – спросил он.

– Через три месяца, в декабре.

Никита нерешительно потер подбородок ладонью.

– Времени достаточно... программа почти готова, нужно будет только ее протестировать как следует, поправить ошибки...

– Какая программа? – нахмурился Антон Михайлович.

Никита немного смущенно улыбнулся.

– У нас с Изуми возникла одна идея, и ребята из техотдела нас поддержали. Только не отказывайтесь сразу, выслушайте до конца! Мы полгода работали, чтобы все сделать как следует! Нужно будет только уговорить членов совета ФИС посмотреть презентацию, но ведь вы с вашим авторитетом сможете это сделать?

Антон Михайлович нахмурился еще сильнее.

– Мне это уже не нравится, но ты все равно рассказывай по порядку!

* * *

Юки вышел из вагона трамвая и устало побрел после игры к дому, в котором остановился на время партии.

Он никуда не спешил.

В руке Юки нес маленький чемоданчик – в обыденной жизни он чувствовал себя в кимоно настолько же некомфортно, как и во время игры – без него. Слово существовало два Накамуро – один из них, в простой неброской одежде и вечно пропыленной обуви, был робок и стеснителен. Другой – юный мастер древней игры – двигался всегда стремительно и резко, и такими же резкими и часто агрессивными были его ходы.

Остановившись возле дома, Юки поставил свой чемоданчик на скамейку и присел рядом, чтобы послушать цикад и привести свои мысли в порядок.

И в это мгновение прогремел взрыв.

Верней, сначала небо пронзила ослепительная, обжигающая вспышка, от которой не смогли защитить даже высокие стены бетонных домов. Юки вскрикнул и зажмурился, закрывая лицо руками – и через мгновение услышал чудовищный грохот. Он даже еще не успел осознать происходящее, когда его отшвырнуло в сторону взрывной волной, вместе с облаками пыли и обломками того, что раньше было зданием.

Когда он пришел в себя, долго не мог понять, где находится. Наконец боль отступила и сознание прояснилось – черный тоннель смерти, привидевшийся ему в забытьи, превратился в затемненную нишу, к счастью, образовавшуюся под завалом. Юки поднес к лицу свои руки – в полутьме он не мог толком рассмотреть, что с ними. Ощупав лицо и шею, он понял, что им тоже досталось. Пошевелив ногами, Юки смог подтянуть одну к себе, а другая оказалась в ловушке под небольшим, но тяжелым куском бетона. Впервые в жизни он возблагодарил всех богов за то, что ему досталось такое маленькое и щуплое тело! Изогнувшись, Юки уперся руками в зажавший его осколок и со стоном чуть приподнял его, высвободив пылающую болью стопу. Отдышавшись, он осмотрелся, прикинул, в какую сторону лучше попытаться проползти – и принялся осторожно пробираться сквозь узкий лабиринт к выходу.

Наконец Юки выбрался наружу.

Города больше не было.

Под пепельно-серым небом, насколько хватало зрения, лежали только кучи бетонного лома с торчащими наружу ребрами металлических арматур.

Сквозь звон в ушах постепенно начинал пробиваться звук – кто-то надрывно рыдал, совсем рядом. Осмотревшись, Юки увидел молодого мужчину, безуспешно пытавшегося сдвинуть огромный кусок железобетона с безжизненно распластанной под ним девушки. Ветер шевелил на ее худеньких смуглых коленях тонкое летнее платье.

Он поспешил было на помощь, закусив губу и мучительно хромая на каждый шаг – но, опустив глаза вниз, остолбенел.

Юки стоял на трупах. Присыпанные пылью и спрятанные под завалами, они словно превратились в невидимок, но сейчас он отчетливо видел, как из-за одного камня виднелась разбитая голова, из-под куска плиты – чья-то спина, а под смятым автобусом – десяток детских рук и ног, и оттуда тоже доносился пронзительный плач.

Он похромал к остаткам автобуса, схватил обожженными руками кусок арматуры и попытался воспользоваться им, как рычагом, чтобы приподнять край изуродованного железа, но безуспешно.

А потом вдруг автобус со скрежетом приподнялся. Юки обернулся – и увидел, что позади него арматуру держат еще двое мужчин. У одного из них все лицо было сожжено, а глаза побелели.

– Вытащи тех, кого сможешь! – просипел обожженный, обращаясь к Юки. И он полез вытаскивать детей, стесняясь своей слабости и стараясь не кричать из-за ноги.

Потом они откапывали пожилую женщину.

Потом – молоденькую девушку с дедом. Но завал вдруг неожиданно осел, и крики о помощи из-под обломков умолкли.

Тогда Юки заплакал.

Он сел прямо в пыль, затрясся всем телом и разрыдался, и черные слезы потекли у него по щекам.

Он смотрел по направлению к центру – туда, где остались Хонъимбо Араи и Хига...

Она сидела на земле и качала ребенка.

Размазанные ожогом черты лица читались с трудом. Белые глаза смотрели в никуда. Клочки платья с трудом прикрывали ее наготу. Она крепко прижимала к груди маленькое тельце с обуглившимися ногами и такими же белыми глазами, как у матери. От каждого толчка маленькие коричневые ножки безжизненно вздрагивали. На крошечном личике застыла гримаса плача.

Женщина улыбалась.

Хига склонился над ней.

– Давайте, я помогу вам добраться к врачу! Тут неподалеку открылся центр первой помощи, буквально за углом!

Женщина повернула к нему лицо.

– Тише! – строго прошипела она. – Мой мальчик только что уснул. Вы его разбудите. Он так кричал, бедняжка... Думала, никогда не успокою. Но наконец он заснул...

Хига прикрыл рот рукой, чтобы не закричать. Из глаз брызнули слезы.

– Он ведь целый, да? – встревоженно спросила женщина, с мольбой глядя на него слепыми глазами. – Я ощупала его, как смогла...

– Да, он целый, – с трудом проговорил Хига.

Женщина блаженно улыбнулась и снова принялась качать свое дитя.

– Я еще могу терпеть... Пусть поспит, а то у врача его точно разбудят...

Хига попятился. Он не мог сказать ей, что у ее груди – труп. Пусть кто-то другой ей об этом скажет.

Он осмотрелся и пошел искать других выживших, которые не могли сами позаботиться о себе.

Военные поспешно разбирали дороги, чтобы выслать помощь на окраины. Потому что в самом центре города спасать было некого. Впрочем, как и хоронить.

В эпицентре вместо мертвецов остались лишь силуэты на выгоревшем фоне.

Кое-где виднелись столбы дыма – это могли быть как отголоски пролетевшей по городу огненной бури, так и санитарные костры.

В воздухе стояла нестерпимая вонь горелой человеческой плоти. Ее куски встречались прямо под ногами, вперемишку с пеплом и обломками, но Хига все равно двигался вперед, пытаясь не сильно всматриваться в то, что лежало под ногами. Но обугленные голени и кисти рук словно нарочно приковывали его взгляд, и Хига вновь остановился, не в силах сдержать рвотный рефлекс уже давно опустошенного желудка.

И все-таки Хига старался поспешить.

Сэнсэй Араи, которого он притащил в медпункт пару часов назад, приказал ему во что бы то ни стало отыскать Юки Накамура.

Потому что этот мальчик должен выжить.

Потому что маленький выскочка – лучший игрок из всех, с которыми сэнсэю приходилось играть последние двадцать лет. И он нужен, просто необходим Хонгымбо Араи, чтобы закончить партию!

И Хига найдет его, найдет во что бы то ни стало – потому что Серебряный Дракон приказал привести мальчика к нему, даже если для этого Хиге придется спуститься в преисподнюю.

И Хига брел по долине смерти вместе с другими, такими же, как он – кому повезло остаться в живых, сохранив зрение, разум и способность самостоятельно двигаться. Военные вместе с простыми горожанами поднимали и тащили на себе до пунктов медицинской помощи тех, для кого это еще имело значение.

Хига отыскал Юки глубокой ночью.

– Как я рад вас видеть, Юки-сан! – воскликнул Хига, радостно протягивая ему сразу обе руки, чтобы поздороваться – но Юки с грустной улыбкой показал замотанные тряпками предплечья.

– Немного обожгло.

– Ничего, – смущенно пробормотал Хига. – Это мелочи, это заживет!

Юки кивнул.

– Я тоже очень рад, что с вами все нормально. Как сэнсэй Араи? – встревоженно спросил он, опираясь на обломок деревянных перил, как на костыль.

– Жив, но получил сильные ожоги спины. Не от взрыва, а в пожаре. Он сейчас у врачей.

– Насколько все серьезно?

– Ну, он в здравом уме и трезвой памяти. Врачи сказали, состояние средней тяжести. Если бы не возраст сэнсэя, можно было бы и вовсе не беспокоиться. Так они говорят.

Они присели возле разведенного прямо на руинах костра, на котором выжившие жарили овощи. Надрывно плакал ребенок. Взрослые старались больше молчать.

Юки покачал головой.

– Это ведь была атомная бомба?.. Откуда врачам знать, как и что теперь с нами будет, ведь такую бомбу еще никогда не применяли в военных целях? Здесь много заводских – они были на смене, когда все случилось. Некоторые почти без внешних травм, но я видел, как этих людей рвет без остановки... У одного открылись язвы на теле... Возможно, у нас совсем не осталось времени, господин Хига.

Юноша поднял глаза к ослепшему небу: на нем не блеснуло ни одной звезды.

– Цикады замолчали, – проговорил он. – Как будто лето кончилось, и началась пепельная зима...

Хига тяжело вздохнул.

– В двух кварталах отсюда я нашел магазинчик игрушек, – сказал вдруг Юки, переводя взгляд на костер. – Там узкая улочка, и вокруг расположено много домов... Было расположено. В общем, первый этаж магазина почти не пострадал.

Хига понимающе кивнул.

– Завтра в десять? – спросил Юки.

– В полдень. Я не успею доставить сэнсэя Араи к десяти...

– Хорошо, – с готовностью согласился Юки. И грустно улыбнулся:

– Значит, завтра все-таки будет хороший день. Даже без цикад...

* * *

Все утро Юки вычищал нижний этаж магазина. Люди сначала решили, что юноша спятил, но когда узнали, кто перед ними, многие бросились ему помогать. За несколько часов они смогли привести небольшое помещение в порядок, насколько это вообще было возможно. Кто-то принес одеяло, и его разрезали на две части, чтобы положить на пол для игроков. В под-

вале магазина среди ящиков с куклами, детскими красками и плюшевыми игрушками нашли обычные ученические доски для го, и самую большую водрузили посреди зала вместо гобана, а рядом поставили коробки с камнями.

Юки размотал свои руки. Кожа на них стала бронзовой.

Опустившись на свое место, он принялся восстанавливать партию.

Как и любой другой профессиональный игрок, он точно помнил каждый свой ход и ответы оппонента.

Юки не слышал, как в магазинчик входили люди, располагались вдоль стен и приглушенным шепотом обсуждали ситуацию на доске. Он целиком погрузился в игру.

Рисунок белых камней был безукоризненным. Гибкие, изящные формы, похожие на гибкие стебли, четкие претензии на еще не разыгранную территорию. Россыпь черных камней на доске, в свою очередь, казалась абсолютным хаосом. Но в этом хаосе была одна общая цель, была логика – пусть даже ее пока понимал один лишь Юки.

Он до сих пор не был уверен, что избрал верную тактику. Но только так он мог попытаться навязать мастеру свою игру, вынудить на широкие, резкие ходы.

И скрыть от его внимательного взгляда коварный замысел относительно левого угла.

Сейчас Юки проигрывал четыре очка. Но если план удастся реализовать, он отыграет десять, и тогда останется только аккуратно и безопасно довести игру до конца.

И он победит.

Го – как бамбук в суми-э. Когда завершается одно звено, кисть размашисто рисует следующее, и так появляется живой силуэт растения.

В го, когда заканчивается время одного звена, вступает в свои права следующее, молодое, принимая из теплых рук старших сэнсэев мудрость столетий и титул. Так прошлое соединяется с настоящим, настоящее – с будущим.

И Юки очень хотел стать следующим звеном, даже если совсем ненадолго.

Впрочем, если эта линия преемственности оборвется здесь, в Хиросиме, это еще не конец. Ведь бамбук в го – это не разрезаемая форма, когда две пары камней располагаются друг напротив друга с пропуском в одну линию. И если противник постарается разорвать существующее единство и попытается с одной стороны поставить свой разрезающий камень, другая сторона одним ходом превращается в монолитную стену, с которой ничего невозможно поделывать.

Связь времен невозможно прервать.

Поэтому он не заботился сейчас ни о чем, кроме партии, развернутой перед ним. Самым главным было выяснить, выросла или нет достойная смена Серебряному Дракону.

Юки очнулся от прикосновения к его плечу. Увидев лицо Араи, он поспешно поднялся на ноги, забыв о своей ступне, вскрикнул от боли и пошатнулся – но на удивление сильная рука старого мастера стала ему опорой.

Благодарный взгляд Юки встретился с понимающими глазами Араи. Тот чуть заметно кивнул, отстранился от молодого претендента, и они склонились в приветственном поклоне.

Игроки и судья Хига расположились на своих местах, и партия продолжилась.

Араи все еще плел свои кружева, а Юки приближался к самому главному ходу.

И вот момент настал.

Камень с громким стуком обрушился на доску, и в левом углу образовался совершенно безобразный с точки зрения классического го, но безукоризненный с точки зрения конструктивизма черный квадрат.

Наблюдатели ахнули. Сэнсэй Араи, уставившись на замкнувшийся рисунок камней противника, побледнел от гнева.

– Щенок, – проговорил он одними губами, и возмущенно встал из-за доски на разрешенный перерыв.

Подойдя к выбитому окну, он устремил взгляд вверх руин.

И в это мгновение небо озарилось отдаленной, но пронзительно яркой вспышкой.

– Еще одна бомба! – тихо проговорил он, указывая на окно.

Все присутствующие вздрогнули, и повернулись к нему. Тишина в комнате наполнилась особым смыслом.

Раскатистый грохот взрыва донесся чуть позже. Но никто не зарыдал, не заломил рук и не выбежал прочь на улицу.

Ничего из случившегося уже нельзя было исправить. А потому единственное, что они могли сделать сейчас против атомной бомбы – это, несмотря ни на что, сохранить лицо, победить противника пусть не фактически – но в силе духа.

И партия продолжилась.

Араи кинулся в бой.

Он развернул настоящую битву за каждое очко на доске, чтобы отыграть упущенное. Плотно теснил противника в углах, вытянулся в середину, отвечая все резче и жестче.

Юки потел. Ему казалось, будто он пытается голыми руками удержать горный поток: промежутки между ходами Хонъимбо становились все короче, удары камней о доску звучали как выстрелы.

Но Юки Накамура все еще удерживал лидерство, хотя земля под его ногами превратилась в выбучий песок.

А вокруг доски стужались тени: дымчато-белые – и серые, каких ни Араи, ни Юки еще не видели.

Никто из них так и не отважился сказать вслух, что кроме людей за партией следят призраки.

* * *

– Наша презентация позволит вам окунуться в прошлое и пережить один из самых драматичных моментов в истории го – «партию атомной бомбы». Весной 1945 года двадцатилетний мастер Юки Накамура получил право бросить вызов Хонъимбо Араи Мамору, и тут же этим правом воспользовался. Они сыграли шесть блистательных партий, позже вошедших во все учебники го, – и каждый из противников выиграл по три партии. Последний поединок должен был пройти в Хиросиме и стать решающим... – голос Антона Михайловича торжественно звенел в зале демонстраций, и Никите казалось, что Латышко слишком уж подробно объясняет то, что члены совета должны были увидеть воочию.

Он очень нервничал.

В качестве виртуальной модели реальности он не сомневался: Изуми постаралась максимально точно воссоздать личности главных действующих лиц; в свою очередь Никита подготовил отличный документальный фундамент, изучив сотни исторических свидетельств и фотографий.

Он сомневался только в одном: в самих представителях совета, которым предстояло пройти полное погружение.

Смогут ли они понять и прочувствовать то главное, о чем говорит эта партия любому истинному ценителю игры?

– Простите, а разве в сороковые годы за титул Хонъимбо игралось семь партий? Я думал, в это время еще действовало правило шести игр, – прозвучал вопрос из зала.

Никита вздрогнул и побледнел. В полутемном зале он попытался глазами найти спросившего, но безуспешно.

Это было опасно, но вместе с тем восхитительно: невероятно, что кто-то из присутствующих мог помнить такие детали далекого прошлого!

– Нет-нет, что вы – наша модель абсолютно реалистична и соответствует всем фактографическим данным, – уверенно возразил Антон Михайлович, и продолжил, стиснув края кафедры побелевшими от напряжения пальцами. – Итак, Российская лига го просит прислушаться Всемирную Федерацию го и ФИС к нашему революционному предложению. Во-первых, мы искренне считаем, что участие искусственного интеллекта в турнирах должно быть приостановлено...

В зале послышался приглушенный усталый вздох. Кто-то рядом с Никитой прошептал своему соседу: «Опять он за свое...».

– ... Эта игра построена не только на поиске лучших ходов, но и на личностном соревновании. Она имеет смысл только тогда, когда сражение на доске проходит между двумя людьми, демонстрирующим не только академические знания, но и способность рисковать, силу духа и другие человеческие качества. Я подчеркиваю – человеческие! – Антон Михайлович призывно вскинул руку. – А во-вторых, мы предлагаем учредить новую лигу – лигу исторического го, где нынешние мастера смогут соревноваться с виртуальными личностными копиями старых мастеров. Это направление может дать го новое дыхание...

По залу прошелестело заинтересованное оживление.

– А теперь мы предлагаем вам надеть шлемы виртуальной реальности и погрузиться ненадолго в прошлое. Мы очень надеемся, что презентация произведет на вас впечатление.

Антон Михайлович спустился в зал под вежливые аплодисменты и одним из первых надел на голову шлем.

Он уже видел презентацию, но ему не терпелось пережить ее еще раз.

* * *

Этот ход Юки не мог предвидеть.

Белый камень безжалостно разрывал уверенный строй черных, и запускать «ногу» в «черный квадрат» – территорию, которую Юки уже считал своей.

Он принялся закрываться, но Араи без конца навязывал ему мелкие схватки, играя вульгарную для классического го игру – но единственно продуктивную для сложившейся ситуации.

Сначала Юки уступил мастеру два очка, потом еще три. Он занервничал, уступая более опытному противнику в силе духа, и начал совершать ошибки.

После розыгрыша на правой стороне он потерял еще одно очко.

Дальше Араи снова теснил «квадрат» и держал сенте, вынуждая Юки снова и снова отвечать на каждый свой ход и постоянно отбиваться, не давая никакой возможности перехватить инициативу. Под постоянным прессингом Серебряного Дракона Юки запаниковал.

Он понял, что сейчас проиграет.

Если не придумает что-то новое.

Оценив ситуацию на доске, он сделал ставку на маленькую группу сэнсэя наверху – если рискнуть и пропустить сенте, он потеряет немного территории в «квадрате», но убьет эту группу и снова будет вести с разницей в одно очко.

Когда Юки сделал следующий ход, Араи не смог сдержать улыбки. И тогда Юки понял, что попался в ловушку.

Следующий камень Араи полностью убивал территорию внутри «квадрата». Теперь он выигрывал четыре очка, даже при условии убитой группы.

У Юки вспыхнули щеки, губы задрожали.

Он снова и снова всматривался в рисунок камней на доске, и понимал – здесь уже ничего не исправить.

– Я сдаюсь, – сказал он, склонившись над доской.

– Благодарю за игру, – осипшим от волнения голосом ответил ему Араи.

Помещение наполнилось шумом и оживленным гомоном наблюдателей. Больные, обожженные и, казалось бы, раздавленные войной люди обсуждали матч за титул Хонъимбо.

Юки, опустив голову, не выдержал и разрыдался.

Араи положил свою тяжелую руку ему на плечо.

– Не расстраивайся, Юки-сан. Это был самый прекрасный и захватывающий матч за последние годы, что я играл! Скоро мы снова встретимся за гобаном. И тогда уже вряд ли я смогу остановить тебя, я это чувствую!

Юки кивнул, вытирая слезы.

Да, они непременно сразятся еще раз! И это снова будет чудесно и восхитительно! Даже если ему опять не удастся победить!

– Спасибо за игру, Хонъимбо Араи. Я получил блестящий урок!

– Блестящий урок для блестящего игрока – это большая честь для меня, Юки-сан. Большая честь! Мне кажется, сегодня за нашей партией наблюдало и прошлое, и будущее... Я буду с нетерпением ждать нашей новой встречи. Я хочу увидеть, чему ты сегодня научился...

* * *

Через панорамное окно ресторана виднелся сияющий россыпью огней мегаполис.

За шумным столом только Никита казался безрадостным. Время от времени он поворачивался к коллегам, когда Изуми толкала его локтем в бок, вынужденно улыбался на тосты, поднимал и снова ставил нетронутым бокал с вином.

– Что с тобой такое? – прошептала наконец ему на ухо жена.

– Не знаю. Мне грустно...

– Перестань! Мы сделали хотя бы полдела – запущен проект исторического го, это же великолепно! Даже если обычное го прервет свое существование, мы продолжим развиваться в другом направлении!

Никита поцеловал ее в смоляно-черный затылок.

– Не обращая на меня внимания, милая. Я, наверное, просто хандрю...

Изуми вдруг задумалась.

– Знаешь, после презентации миссис Холл спросила меня, кто из них победил в следующей схватке, – проговорила она.

– И что ты ответила?

– А что я могла ответить? Сказала, как есть, что Хонъимбо Араи умер от лучевой болезни спустя пару месяцев после той партии...

– Могла придумать какое-нибудь более приятное продолжение.

– Зачем?

– Ну... По той же причине, из-за которой мы достаточно вольно обошлись с некоторыми фактами – для наглядности, – чуть слышно прошептал Никита, наклоняясь пониже.

Изуми опасливо окинула присутствующих взглядом.

– Из-за этого мне тоже до сих пор не по себе...

– Перестань, – горько усмехнулся Никита, и, склонившись к самому ее ушку, прошептал: – Это наш с тобой хитрый «черный квадрат» – не очень красиво, но действительно. Как думаешь, сколько человек знали и помнили эту историю даже спустя каких-нибудь сто лет?.. А теперь-то уж и подавно... Посмотри – они все считают себя ценителями и мастерами го, а ведь никто, даже Антон Михайлович, не заинтересовался ей даже поверхностно.

Изуми погладила тонкими пальчиками руку мужа.

– Ничего. Мы с тобой знаем и помним, как все было на самом деле – думаю, это тоже что-нибудь значит.

Никита вновь коснулся губами ее волос и выпрямился.

– Вот казалось бы – я полностью погрузился в историю, но только сейчас понял, что чувствовал Хонъимбо Накамура... – проговорил он и вздохнул.

Изуми задумалась, нахмурилась.

– Наверное... Наверное, он до конца своих дней играл с Хонъимбо Араи... Бесконечное число раз перебирал все возможные варианты развития каждой партии, стараясь убедить себя, что достоин титула, который получил...

Они еще крепче обнялись.

– Мне тоже кажется, что он играл с Араи, – сказал Никита. – Но не потому, что хотел убедиться в правах на титул, а потому что...

– Эй, Никита! Никита, ты с нами? – вмешался в их разговор Антон Михайлович. – Хватит уже обниматься, молодые люди! Послушай, а когда ты успел сделать эффект зеркальной тени для наших аватаров? Знаешь, было даже как-то не по себе, когда эти серые силуэты начали заполнять комнату.

Никита вздрогнул.

– А я ничего такого не делал. Я решил, это вы поправили программу для наибольшего эффекта.

За столом вдруг стало тихо.

– Но тогда что же это были за силуэты?.. – проговорил Латышко, растерянно озираясь на коллег. – Белые – понятно, это наши аватары. Но серые откуда взялись? Кто имел доступ к программе? Кто из вас ее корректировал?

Все за столом, пожимая плечами, напряженно переглянулись.

– Как там сказал сэнсэй Араи? – почти прошептала Изуми. – «Мне кажется, за нашей партией наблюдало и прошлое, и будущее»?.. А что, если они видели нас?..

– Виртуальные личностные копии?..

– Нет, они настоящие, в прошлом?.. Мы – будущее, а серые тени —...

Латышко прервал ее.

– Изуми, прекращай свои мистификации! А еще – современная девушка, ученый, профессиональный игрок! Вот теперь ничуть не сомневаюсь, что это ты сделала! – Антон Михайлович немного натужно рассмеялся.

Все облегченно вздохнули и продолжили оживленно обсуждать успешную презентацию.

Нигредо Анатолий Герасименко

Сейчас, когда уже ничего не исправить, многие винят в том, что случилось, министра соглашений Реджинальда Дена. Ведь именно Реджинальд запустил машину алхимика Фосса и написал те страшные, роковые слова. Другие полагают, что виноват один только Фосс, потому что спятивший алхимик затеял меряться силами с самим Творцом. Третьи – таких большинство – проклинают министров Регеборга, ставших жертвами собственного злого хитроумия. Впрочем, теперь не время искать виноватых: пора спасаться. Плешивый старик, вместе с которым я грабил брошенную продуктовую лавку, сказал, что и Реджинальд, и Фосс, и правители Регеборга были лишь орудиями в руках Творца, и что они так или иначе исполняли роли, предначертанные Нитью делания. А от своей Нити не уйдёшь, как ни старайся, ибо так написано. Пожалуй, старику виднее, поскольку он-то от своей Нити точно не ушёл: его в тот же день поймали мародёры.

Что считаю лично я, абсолютно неважно, так как жить мне осталось, похоже, всего несколько дней. Вода на исходе, последнюю плитку краденого шоколада я доел позавчера, а вылазка из подвала в поисках рубедо означает верную гибель. В городе полно мародёров, попасть им в руки – ещё хуже, чем умереть от голода, жажды и распада. Или не хуже? Ладно, ну их к Безвестности, эти раздумья. По крайней мере, могу себе выбрать смерть. Недурной финал для того, кто много лет работал министром здоровья и вроде как был в ответе за жизни горожан. Хотя кого я обманываю? За чьи жизни можно держать ответ, если каждым правит воля Творца? Впрочем, это бред: нигредо в моём теле прибывает, голова работает скверно, мускулы – дряблые, как выжатое бельё. Неплохо, что повезло найти вход в подвал. Неплохо, что здесь нашлись бумага и карандаш. Да, неплохо. Лучше скорее перейти к делу, а то ведь сдохну, прежде чем успею записать, что собирался.

(Кстати, для кого я это пишу, а?)

Итак, началось всё месяц назад, когда нам бросил вызов Лог-на-Вейле. Обычное дело, про наши города даже сложили пословицу: мол, грызутся, как Лог и Цуг. Всем известно, как нас ненавидят логовчане, да и мы их недолюбливаем, паразитов. А за что их любить? Лог-на-Вейле пять раз за последние двадцать лет посылал нам пурпурную карту. Пять раз! Для сравнения: сколько раз за это время им посылал вызов Цуг-на-Вейле? Ни разу. Да, у нас есть выход к морю, есть пойменные луга, и сама Вейла в наших краях шире, удобней для судоходства. Опять же, порт, торговля, пошлины. Но у них тоже найдутся преимущества: близость к метрополии, пляжные курорты, стада радужных облаков, доходы с туризма... Короче говоря, логовчане опять решили, что им несладко живётся, и захотели прибрать к рукам весь рыбный промысел на Вейле. Реджинальд Ден в ответ предложил наглецам подумать насчет обрыбления их знаменитых декоративных прудов. А они, извольте видеть, оскорбились и послали нам пурпурную карту. Вызвали на состязания.

(Здесь еле хватает света, чтобы видеть буквы, и музыка небес едва слышна. Достойная концовка Нити для министра, что ни говори. Ближе к делу, Кан, иначе никогда не закончишь).

К делу, к делу. Они послали вызов, мы приняли. Команду готовить пришлось, как всегда, мне: прямая обязанность министра здоровья. Только вот с прошлых состязаний прошло меньше трёх лет, в команде из-за этого остались одни ветераны, опытные, но не первой молодости, и все в застарелых травмах. А молодёжь нынче охотней идёт учиться на техников, о состязаниях не думает, так что молодые в команду набирались неохотно, брали, прямо скажем, кого попало, лишь бы взять. Может быть, потенциал у ребят был и неплохой, но здесь важна сыгранность, чувство локтя, профессионализм, одним словом. Эх, да что там говорить. Удивительно,

что они, по крайней мере, не продули, хотя сыграть вничью – в этом тоже ничего хорошего нет. Впрочем, у логовчан те же проблемы с необстрелянной молодёжью: кто, как не мы, знатно их потрепали три года назад? Так и получилось, что новички с новичками вышли на ничью, и пришлось Реджинальду назначить бой чемпионов.

Тут-то мы все приуныли. Наш чемпион, Люк Кегран, был быстрым, как ветер, ловким, как летучая лягушка, сильным, как горный крот... Но чемпион логовчан, Маркел Дуво, оказался на голову его выше, и весил соответственно. Ну некого было нам выставить, кроме Люка, понимаете? Весь Цуг обошли с глашатаями, каждый угол искилили объявлениями, сулили золотые горы и почётное гражданство вызвавшимся. Кое-кто пришёл на пробы, но с первого взгляда становилось ясно, что Кегран был лучше всех прочих. А чемпион из Лога был лучше Кеграна, как ни крути. Бой чемпионов – это ведь именно бой, жестокая драка, а не командное многоборье с греблей, стрельбой из лука и шахматами. В драке же преимущество на стороне того, кто выше, у кого длиннее руки, больше вес. Словом, и ребёнку было ясно, что Кегран продует бой, так что по итогам состязаний Цуг-на-Вейле окажется слабее Лога-на-Вейле. Нам придётся без всяких оговорок принять условия Лога, отдать им весь рыбный промысел и Безвестность знает что ещё, ведь победитель прав во всём. Ибо так написано.

(Наверное, мои строчки прочтёт лишь Творец, потому что те, кто выживут после всего этого, будут слишком заняты мародерством, чтобы отвлекаться на чтение).

В итоге накануне чемпионского боя мы, то есть кабинет министров Цуга, сидели за полночь в зале совещаний и обдумывали совершенно безнадёжные планы. Ночь, по правде сказать, была чудесная: звёзды так и кружили, музыка с небес лилась особенно нежная, лягушки то и дело впархивали в открытые окна. Мы заказали в буфете ящик вина, десяток флаконов рубедо и корзину лёгких закусок. Все молчали, поскольку обсуждать было уже нечего. Кегран бы выиграл бой только в случае, если бы Дуво захворал или позабыл все борцовские приёмы. Подобраться к Дуво – слабительного ему, скажем, в кашу подсыпать либо чесоточного порошка в трико – мы никак не могли. За ним, как и за любым чемпионом, днём и ночью следила целая свора охранников, даже в сортир он ходил по расписанию и под наблюдением тренера, так что о диверсии пришлось забыть. Про то, чтобы как-то усилить нашего Кеграна, тоже думали, но как добавить сил тому, кто и так сильнее всех в Цуге? В общем, сидели, готовились помаленьку к безоговорочной капитуляции перед Логом, и Бальнер, министр питания, уже кому-то писал на счёт поставки рыбных консервов. Вдруг дверь распахнулась, и в зал вошёл Реджинальд Ден с таким выражением лица, будто только что сам выиграл чемпионский бой, а за ним, спотыкаясь, ввалился тощий тип, закутанный в длинный грязно-зелёный лабораторный халат.

«Позвольте, господа, представить, – объявил Реджинальд. – Мастер Фосс из Регеборга, алхимик-новатор, наша, с позволения сказать, последняя надежда».

Мастер Фосс встал во главе стола. Ни поклона, ни кивка, только сверлил всех глазами и теребил краешек халата. Волосы длинные, нос прыщавый, пальцы все в разноцветных пятнах от химикалий, и ногти обкусаны. Реджинальд с размаху хлопнул его по плечу (отчего Фосс слегка присел) и сообщил:

«Молодой человек изобрёл машину, которая может перевернуть весь мир с ног на голову. Завтрашняя победа в состязании – вопрос решённый, пускай Лог подавится своей пурпурной карточкой. Но состязание – это только начало, коллеги. Расскажите-ка им, мастер!»

У Фосса мгновенно побледнели губы, и он, заикаясь, начал:

«Известно, господа, что наша вселенная есть Мировая Книга, которую непрестанно пишет Творец. И мы все – действующие лица в этой книге. Каждому отведена своя Нить великого делания, предначертанная Творцом, и лишь от высшей воли зависит, сыграет ли кто-то из нас главную роль, верша людские судьбы, или канет в Безвестность, да будет она четырежды проклята. Ибо...»

«Ибо так написано, – нетерпеливо перебил Реджинальд, опершись кулачищами на стол. – Давайте по существу, мастер, здесь все ходили в церковную школу».

«Собственно, – торопливо сказал Фосс, – я почти закончил. Суть в том, что мой аппарат даёт возможность увидеть, как пишется Книга. И позволяет, если надо, её переписывать».

Мы все расшумелись, точно стая лягушек, потому что всё это звучало, как неуместная шутка, богохульная к тому же, а Фосс, повысив голос, стал выкрикивать: «Если позволите, я покажу... Если можно... Сюда... Станет ясно... Пожалуйста...» Тогда Реджинальд шагнул к двери, крикнул: «Вносите», – и охранники втащили в зал эту самую машину. Четырежды клятую.

Сейчас её, наверное, уже разбили, сожгли и сбросили обломки в Вейлу, поэтому надо бы попытаться как-то описать детище Фосса для тех, кто не успел взглянуть. Что скажу? Внушительного размера агрегат, с меня ростом; везде блестят клапана и бронзовые трубки, поршни и шестерни, всё это скрежещет, хрипит и непрерывно движется. Сбоку торчит здоровенный раструб, и выглядит в целом машина так, будто заводской станок скрестили с саксофоном. Но самое главное мы увидели, когда Фосс откинул квадратный люк справа от раструба. Там, в подсвеченной глубине, бежала, наматываясь на катушки, бумажная лента, а над ней, зажатое в пальцах механической руки, замерло наготове самопишущее перо. Все примолкли, глядя на это чудо, а Фосс, воспользовавшись тишиной, сказал:

«Если желаете, можно произвести эксперимент, демонстрацию работы».

«Смелей, коллеги, – подал голос Реджинальд. – Ну, кто хочет переписать свою судьбу?» Не иначе как Безвестность дёрнула меня спросить:

«А что нужно для опыта?»

«О, это просто, – оживился Фосс. – Требуется лишь образец ваших тканей. Образец помещается в приёмную трубку, и аппарат настраивается на вашу Нить делания. В качестве образца годится что угодно: эпидермис, клочок волос, или пот, или, гм... экскременты. Или слюна...»

«Да плюнь ты в трубку, Кан!» – крикнул Хуго Валле, министр культуры. Раздались жидкие смешки, кто-то хлопнул в ладоши. Нервы, конечно, были у всех на пределе. Я пожал плечами, встал, и ни на кого не глядя, сплюнул в раструб. Какая разница. Если Реджинальду угодно выставить себя дураком, отчего бы не помочь. Всё равно проиграем... Машина вздрогнула, застрекотала, перо стало выводить буквы. Фосс выждал минуту, ловко стянул с катушки ленту и прочёл:

«Я пожал плечами, встал, и ни на кого не глядя, сплюнул в раструб. Какая разница. Если Реджинальду угодно выставить себя дураком, отчего бы не помочь. Всё равно проиграем».

«Это ничего не доказывает!» – воскликнул министр транспорта Йорн.

«Да?! – взревел Реджинальд. – А на это что скажете?»

Он грузно шагнул к машине, выхватил перо из механических пальцев и принялся что-то яростно строчить на движущейся ленте. Я ощутил, как мои члены наполняет, словно газ, неведомая сила, подпрыгнул, ударил ногой об ногу и начал отбивать чечётку, будто заправский танцор. Противиться этому было всё равно что пытаться двинуть занемевшей рукой, которую отлежал ночью: все конечности казались моими, но притом чувствовались как бы со стороны, принадлежащими кому-то другому... нет, это трудно описать. Провожаемый взглядами министров, я отстучал каблуками звонкую трель, крутанулся вокруг оси и картинно припал на колено, раскинув руки. Реджинальд выдернул ленту и прочёл то, что написал минутой раньше:

«Кан исполнил антраша, станцевал клог и сделал двойной пируэт».

Я поднялся и отряхнул брюки. Реджинальд питал страсть к танцам, ходил на балет, на фестивали народных плясок и частенько заводил интрижки с молоденькими балеринами. Вот откуда такие познания в терминологии. По-моему, с его стороны это было довольно подло.

Между прочим, я вообще не танцую, в моём возрасте это серьёзная нагрузка на сосуды. Нигредо – оно, знаете, никого не щадит.

«Подстроено!» – крикнул Хуго Валле. Реджинальд бросил ему через стол перо:

«Может, сами что-нибудь напишете, Хуго? Давайте, велите Кану пройтись колесом! Или пусть споёт „Доброй ночи, мельник“, или выпьет залпом графин вина! Валяйте, он в ваших руках!»

Я собрался было протестовать, но не успел ещё отдышаться после танца. А Хуго, болезненно ухмыльнувшись, сказал:

«Чушь! Впрочем, как угодно. Сейчас такого напишу, клянусь Творцом...»

Он встал, со скрипом отодвинув стул, прошаркал к машине и принялся выводить буквы на ленте. Странная, чужеродная сила опять наполнила мои мышцы. Я, словно в бреду, подскочил к камину, схватил кочергу и, не ощутив никакого сопротивления, скрутил толстый, покрытый сажей прут в сложную фигуру, напоминающую трилистник клевера. После этого я вновь обрёл способность двигаться самостоятельно и, обернувшись, увидел, как Реджинальд отматывает исписанную министром культуры бумажную полосу.

«Кан подходит к камину, – торжествуя прочёл он, – берёт кочергу и завязывает её тройным узлом».

Валле тяжело опустился на стул и оглядел нас из-под очков. Глаза у него блеснули, как у влюблённой гимназистки.

«Коллеги, – произнёс он еле слышно, – ведь это чудо. Чудо! Если у нас будет больше таких машин, мы...»

Не договорив, он всхлипнул и огладил лысину трясущейся рукой. С дальнего края стола донёсся удар: это Бальнер стукнул кулаком по столешнице.

«Какое ещё чудо! – заорал он, кривясь. – Ересь и колдовство! Вижу, этого мальчишку выперли из Регеборга, так он явился пакостить сюда, в Цуг. Творец нас всех накажет! Это противно его замыслам...»

И тут Фосс, всё время молчавший, словно взорвался.

«Его замыслам! – крикнул он. – Да что такое его замыслы? Неужели никто не видит, как убог наш мир? Он нелогичный, он дикий, он... он просто глупый! Три солнца, будто не хватило бы одного! Планета в форме груши! Долбаная музыка с неба! А чего стоим мы сами, чего стоят эти жалкие, несовершенные тела? Нам надо постоянно дышать, пить, есть, поглощать рубедо, иначе – смерть! А наука? Никаких закономерностей, ученые ставят эксперименты наугад и ничего не могут понять! Сегодня обращаешь свинец в золото, на следующий день в той же лаборатории он превращается в уголь. Сегодня звезды вертятся по часовой стрелке, завтра – против, послезавтра созвездия распадаются. Доказательства теорем сводятся к фразе „ибо так написано“. Если мы действительно живём в Книге, если наши судьбы пишет какой-то высший разум, то он – просто бездарность! Жалкий дурак и графоман!»

После этих слов воцарилось такое молчание, что воздух, казалось, стал стеклянным. Только небесная музыка звучала тихо, будто бы с укоризной.

«Уважаемого мастера Фосса, – неожиданно мягко проговорил Реджинальд, – никто не изгонял из Регеборга. Регеборг волею Творца стоит в горах: там круглый год такой холод и туман, что даже туристов не заманишь. Весьма тяжелые условия для молодёжи. Неудивительно, что юноша покинул суровые края и обратился к нам».

Бальнер налил себе вина из графина – горлышко звякало по стакану – и долго, звучно глотая, пил.

«Щенок, – буркнул он, вытерев губы. – Ещё и перебежчик».

Реджинальд оглушительно хлопнул в ладоши, спугнув с люстры задремавших лягушек.

«Всё! – воскликнул он. – Хватит об этом. Предлагаю завтра опробовать аппарат на чемпионе Люке Кегране во время решающего боя. Кто за? Кто против? Прошу голосовать».

В ту ночь я проголосовал «за», и, хотя так же проголосовали все прочие – кроме Бальнера – до сих пор не могу простить себе глупости и малодушия.

(Творец, если читаешь эти строчки – прости хоть ты меня).

Поединок назначили, как обычно, на раннее утро. Никто из нас не успел выспаться, но весь кабинет министров явился в полном составе. Первые среди равных, и так далее, и тому подобное. Единственная привилегия – в том, что наши места приготовлены в правительственной ложе, а в остальном министры – такие же зрители, как и все граждане Цуга. И граждане Лога: эти тоже пришли, не меньше десяти тысяч душ. А как же, исторический матч. И каждый, Творец свидетель, каждый из тех, кто входил в двери Чемпионского амфитеатра, – каждый бросал медную монетку в мешки у дверей. Традиция, четырежды будь она проклята, символическая плата за зрелище. Ибо так написано... Итак, вообразим: свежее утро, голубое солнце только-только взошло, из-за горизонта поднимается жёлтое, и восток полыхает волшебным изумрудным цветом. На западе, в горах золотыми каплями сверкают купола Регеборга, и понимаешь: не зря Творец поместил такую красоту среди горных хребтов. Небеса играют торжественный марш, летучие лягушки садятся на плечи зрителям, чистят зубастыми клювиками чешую, одинокое радужное облако запуталось между флагштоков и сыплет мятными конфетти...

Амфитеатр был забит до последнего ряда. Двадцать тысяч человек! Из них, как я уже сказал, не меньше десяти тысяч логовчан. Мы смотрели на эту толпу, зевали и ёрзали в бархатных креслах, а за нашими спинами, шипя и мерно щёлкая, разогревалась машина Фосса. Алхимик возился в недрах аппарата, что-то подкручивал, настраивал, сверялся с записями в грязном блокноте.

Реджинальд подался ко мне со своего места и тихо спросил:

«Ты бросил монетку, когда входил?»

От него здорово несло спиртным. Я хотел было кивнуть в ответ, но засомневался. Похлопал по карманам и убедился, что сомнения были не напрасны.

«Четырежды проклятье, – прошипел я сквозь зубы. – Забыл взять мелочь. Голова гудит, не спал, нигредо одолело. Эх, ведь слухи пойдут: мол, министр Кан не чтит традиций...»

Реджинальд хлопнул меня по плечу и уселся поудобней. Я, впрочем, тут же забыл о своей оплошности, потому что на арену вышли чемпионы. С неба загудела оркестровая медь, гулко зазвенели барабаны. Бойцы встали друг против друга: тугая от мускулов кожа, упрямые взгляды из-под бровей. Легонько стукнулись кулаками, как заведено перед схваткой. Кегран, конечно, забавно выглядел против Дуво – на голову ниже, юношески стройный рядом с этакой горой мяса. Что ж, надежда оставалась только на машину Фосса... Не успел додумать: гонг! Чемпионы схватились! Впрочем, с первой минуты все стало ясно. Кегран упирался ногами, из-под ступней брызгал песок, руки стискивали могучий торс противника, но тщетно. Дуво был шире, массивней. Потоптавшись, великан сделал подсечку и с размаху обрушил нашего бойца на арену. Вот и всё, первый раунд окончен, соперники разошлись по углам: Дуво – непобедимо раскачиваясь, уверенный в собственной мощи, Кегран – прихрамывая, опустив глаза. Обтёрся полотенцем, кинул на песок. Подбежавший служка подхватил брошенное полотенце и унёс с арены.

Второй раунд. На этот раз Кегран был осторожней, долго кружил, примеривался для броска. Взошло красное солнце, как всегда, злое и яркое, слепило глаза, мешало бойцам выбрать миг для атаки. Ощувив на щеке дуновение воздуха, я обернулся и увидел, как Фосс бросает в раструб машины скомканную тряпку – полотенце, которым вытирался Кегран. Перо ожило в самописце, проворно застрочило: «...был осторожней, долго кружил... Взошло красное солнце, слепило глаза...» На трибунах закричали. Обратив взгляд на арену, я успел увидеть, как Дуво бросился вперед, заломил Кеграну руку, они завертелись, и наш чемпион упал на колени. Вот-вот согнётся под бычьей тяжестью, ляжет на взрытый песок...

«Аппарат готов!» – глухо крикнул Фосс. Реджинальд выдернул перо из самописца и стал набрасывать строки. «...Он сильнее, он встаёт, – увидел я из-за Фоссова плеча. – Бьёт по голове, ломает челюсть, побеждает...» Тысячи глоток заревели, я снова обернулся, чтобы увидеть поверженного Дуво. Из его рта тянулся кровавый жгут слюны, грудь ходила ходуном. Заскрипело перо: Реджинальд черкнул ещё пару слов. Кегран, перекинув ногу через плечо Дуво, ударил того ступнёй в висок, ещё, ещё, и великан, дернувшись, раскинул руки, будто хотел обнять всё небо от края до края. Люди на трибунах зароптали, кто-то пронзительно свистнул, взвизгнула женщина.

В этот момент в ложу, топая и сгибаясь под тяжестью груза, вломились охранники. Кажется, те самые, которые накануне притащили в зал совещаний аппарат Фосса. В руках у них были холщовые мешки с чем-то глухо звенящим, бугристым, очень тяжелым. Крякнув, первый из них поднял мешок и опрокинул над раструбом аппарата. Монетки хлынули, как мутная река, зашуршали, исчезая без остатка в широкой горловине – и откуда там оказалось столько места? Механическая рука на миг замерла и принялась страшно дёргаться, расплываясь в бешеном движении, как спицы вертящегося колеса – но без пера, пера не было, бумага оставалась чистой, где же оно, где перо? Ах да, вот оно, в руке Реджинальда, он ведь так и не вернул его в машину. И тут же пришёл черёд второго мешка, за ним третьего... Двадцать тысяч монеток, из них десять – те, что бросили логовчане. Двадцать тысяч Нитей, двадцать тысяч судеб.

«Реджинальд», – успел сказать я. Вернее, это сказали все мы, весь кабинет министров, а ещё вернее, мы это прокричали, а, если быть совсем точным, всё слилось в один общий крик, что-то вроде «Не-е-е-е!!» Мы стали вскакивать с мест, а охранники удерживали нас, не давали встать. Бальнер получил по шее, Йорну дали поддых, мы боролись, поднялась свалка, и только Фосс ничего не делал, лишь смотрел, как Реджинальд пишет размашистым почерком какие-то короткие слова. Потом началось то, о чём вы и сами знаете. Люди взбесились, бросились на арену, в один миг растоптали Кеграна и Дуво, и там, на арене, сошлись с такими же кричащими, взбешёнными людьми. Мелькали сжатые кулаки, оскаленные зубы, вытаращенные глаза, стоял нескончаемый вой – вой ярости и боли – и, едва слышная сквозь этот гвалт, с небес лилась чудовищно неуместная, весёлая мелодийка. Тогда-то я перестал быть министром здорovia, а стал обычным трусом, которого заботила только собственная шкура. И побежал прочь.

Творец, если ты читаешь эти строчки (наверное, ты единственный, кто их прочтёт), то прошу, сделай так, чтобы всё вернулось назад. Зачеркни то, что написал Реджинальд, соскобли бритвой, закрась мелом, а еще лучше – вырви последние несколько страниц Книги. Пусть мы опять станем играть свои никчёмные роли, пусть исполнится Мировое делание, пусть Безвестность минует тех, кто послушен твоей воле, а тех, кто противится, Безвестность может забрать со всеми потрохами. Пусть не будет ни убийц, ни мародёров, ни дымящихся развалин, в которые превратилась наша земля, когда по ней прокатилась волна обезумевших от крови людей, забывших о том, как они жили, готовых только убивать и мстить, мстить и убивать. Многие верят, что Реджинальду Дену заплатили министры Регеборга, и они же подослали к нам Фосса. Хотели стравить Лог и Цуг, выждать, пока мы перебьём друг друга, а потом занять наши опустевшие города. Только вот на каждой монетке из тех, что были в мешках, оставили свои следы десятки людей – не только из Лога и Цуга, но из самого Регеборга и прочих окрестных городов; «образцы тканей», как говорил Фосс. Бойня разгорелась повсюду. Разум сохранили единицы – например, я до дня состязаний с месяц не брал в руки медной мелочи, по магазинам ходила моя экономка. Бедная женщина.

Говорят, для того, что сейчас происходит, уже придумали специальное новое слово: «война». Странно, вроде бы слово новое – а чувство такое, будто всегда его знал. Может быть, Фосс прав, и тот, кто нас сотворил – попросту глупец и бездарность. Но мир, который он создал, был, по крайней мере, добрым. Согретые тремя солнцами, под поющим небом мы состязались

в силе и ловкости и не знали другой жизни. Злой гений Фосса, зависть Регеборга, алчность Реджинальда Дена показали нам, что бывает иначе. Наверное, рано или поздно человечеству суждено было стать свободным, но очень уж паршиво это у нас получилось. Впрочем, может статься, прав тот убитый мародёрами старик, и всё, что произошло, задумал сам Творец: надумил Фосса придумать четырежды клятую машину, вложил в головы министрам Регеборга их замыслы... Свободны ли мы в таком случае хоть на йоту от его воли? И если свободны, то где кончается воля безрассудного Творца и начинается наша безрассудная свобода?

Но о таком страшно даже думать, не то что писать. Наверное, это всё нигредо в моих жилах – разрушает, дурманит и медленно убивает, как ему и положено. Между прочим, вот уже минут десять, как смолкла небесная музыка, которую до этого я слышал отчётливо, хоть и слабо. Что это значит? Неужели Книга подошла к финалу? Или её больше никто не пишет?

Надо выйти наружу, посмотреть.

Читер Анатолий Герасименко

– А больно не будет? – спросил Сеня, хотя знал ответ заранее. Рассказывали. Сегрианец улыбнулся и от этого стал ещё больше обычного похож на лягушку:

– Будет.

Шлем давил на темя, впивался шипами в виски, стягивал нижнюю челюсть. Экран мельтешил разноцветной пургой, и от этого мельтешения разливалась за веками тяжесть, будто сказочный Оле Лукойе раскрывал перед глазами зонтик с самыми погаными сновидениями. Только спать было нельзя.

Сеня нетерпеливо вздохнул:

– Давай уже, начинай. Программа «Быстрый бег». Ну, как договаривались.

Сегрианец пощёлкал синюшными пальцами в воздухе. То ли настройки в своей программе менял, то ли это было проявление его лягушачьих эмоций – хрен поймёшь.

– Обмен, – квакнул он. – Программа на программу. Способность на способность. Выбери. Без гарантии.

– Какой еще обмен? – удивился Сеня. – Про обмен речи не было. Мне бежать просто надо! Ты это, брат, давай, инс... инсталируй поскорей, и я пойду. У меня режим, соревнования на носу, все дела. Не тяни.

Сегрианец (Уви, вспомнил Сеня, его зовут Уви) забулькал горлом.

– Пиратская копия. Чистой установки нет. Только вместо другой программы. Что-то убирем. Вместо того, что убрали – ставим «Быстрый бег». Ясно? Без гарантии. Возможен сбой.

Сеня глотнул, при этом ощутив, как врезался в горло ремешок шлема.

– То есть как? Выходит, бегать смогу, но за это не смогу... что-то ещё? Ну, там, не знаю... плавать? Или машину водить?

Сегрианец по имени Уви запыхтел – наверное, смеялся.

– Устройство позволяет выбрать, – гулко, как из цистерны сказал он. – Что убрать, что взамен поставить. Выбираешь. Ставим. Потом, через месяц всё вернётся. Примерно.

Сеня наморщил лоб. Ему вдруг страшно захотелось попить холодной воды и оказаться где-нибудь как можно дальше отсюда. И лучше – сначала оказаться, а потом уже попить.

– Без гарантии, – поспешно добавил Уви. – Возможен сбой.

Сеня и так знал, что риск очень велик. Тоже рассказывали. Программа могла не сработать, могла сработать неправильно, могла вообще превратить носителя в безмозглый овощ. Вокруг сегрианских технологий ходило много слухов, и никто ничего не знал наверняка – даже про лицензированные программы, которые ставили у бонкеров в Интерпланетной клинике. Что, в принципе, неудивительно: один билет на космолёт до Клиники стоил, как Сенина почка. А уж сама установка...

– Ладно, – неожиданно для себя сказал Сеня. – Сбой так сбой, рискну. Что там на выбор? Давай, предлагай.

Уви опять пошевелил пальцами, и экран послушно запестрел разноцветными строчками меню. Буквы все были нерусские и даже неземные. Не буквы, поправил себя Сеня, фразы. У сегрианцев каждый символ – целая фраза. Землянин ни хрена не поймет, там надо кучу оттенков цвета различать, каждый оттенок меняет весь смысл символа, и ещё они пахнут по-разному – вон как от экрана болотом несёт...

– Инсталляция: нейромышечная программа «Быстрый бег», – бормотал Уви. – Деинсталляция: выборочно, опционально. Варианты... Сканирую.

Сеня стиснул зубы. Что-то неслышное и невидимое, но предельно омерзительное проникло ему в голову, наполнило череп гадостным звоном. Казалось, ещё миг – из ушей плеснутся вскипевшие мозги. Он уже совсем решился сдернуть шлем, но тут всё кончилось.

– На выбор, – монотонно затянул Уви, – удаляем одну из способностей. Цветное зрение. Устная речь. Хожение на двух ногах. Образное мышление. Эмпатия. Левитация. Телепортация. Чтение мыслей. Предсказание отдалённых событий. Телекинез. Временной скачок. Астральная проекция...

– погоди, – поморщился Сеня. – Ты чего несёшь-то? Ну, речь или там на двух ногах – ещё туда-сюда, но аттра... астра... Я этого ничего не умею, ты ошибся где-то.

В ушах до сих пор звенело, и от этого сбивались мысли.

Уви взгляделся в список на экране. Принюхался, раздув мелкие ноздри.

– Ты абориген?

– А ну повтори, – грозно засопел Сеня.

– Родился на Земле? Относишься к виду Homo Sapiens?

– Сапиенс, сапиенс, – Сеня хотел было кивнуть, но шлем кивнуть не дал. Уви развел лапами:

– Ошибок не бывает. Сканер проверенный. Ты это всё умеешь. Либо ещё не умеешь. Но можешь развить.

Было слышно, как в углу подвала что-то капает. Уви потянулся к экрану, втянул отдающий гнильцой воздух и добавил:

– Ещё двадцать четыре способности. Сканирование ауры. Видение радужного тела. Вход в коллективное сознание... Продолжать?

– Хватит, – промямлил Сеня. – А в каком смысле «можешь развить»?

Уви воздел к потолку выпуклые глаза.

– Ваши детёныши от рождения умеют ходить? Читать? Производить инженерные расчёты?

– Наши детёныши от рождения только орать умеют.

– Вот именно, – запыхтел Уви. – С возрастом развиваете прямохождение. Развиваете логику. Речь. А могли бы развить ещё много способностей. Но не делаете этого. Мне говорили, что земляне странные. И ограниченные.

– Но-но, – нахмурился Сеня.

Уви вздохнул, совсем по-человечески:

– Быстрый бег ставим?

– Ставим, – покорно ответил Сеня.

– На что меняем?

Сеня наморщил лоб.

– Что там ты бормотал? Телекинез? Вот телекинез можно убрать.

И, хмыкнув, добавил:

– Телекинезом не пользуюсь.

Уви потянулся к экрану, пробежал по символам пальцами, на секунду застыл, разглядывая возникшие схемы, и нажал сбоку экрана большую кнопку. После этого в подвале стало абсолютно темно. Сеня заволновался:

– Эй, чего это? Электричество, что ли, вырубилось?

– Нет. Электричество в порядке, – с досадой, не сразу ответил из крошечной темноты Уви. – Я не эту способность убрал. Сейчас поправлю.

– Какую ещё способность... – начал Сеня. Опять стало светло, и только тогда он с запоздалым ужасом понял.

– Зрение, – подтвердил его догадку Уви. – Промахнулся. Теперь убираю телекинез. Точно.

Сеня ничего не почувствовал. Впрочем, он всё ещё не мог прийти в себя после эпизода со зрением.

– Ставлю быстрый бег, – произнёс сегрианец.

Боль показалась вначале ерундовой, похожей на обычную ломоту после тренировки. Потом скрутило по-настоящему: ноги взяло судорогой, в позвоночнике точно продёрнули раскалённую проволоку. Сеня закричал, сжимая кулаки. «Вытерплю, – с трудом думал он, – и не такое терпели. Вытерплю...» И вытерпел: судороги успокоились, перестало раздражать изнутри спину, даже дышать стало легче. «Не так уж страшно», – успел подумать он насмешливо, а потом в голове шарахнула такая боль, что Сеня заорал во весь голос.

– Уже всё, – произнёс Уви. Сеня дышал, как умирающая рыба, выпучив глаза. Внутри черепа царила пустота – ни мыслей, ни ощущений – и страшно было пошевелиться, даже мигнуть, чтобы не вернуть ненароком пережитый кошмар.

– Быстрый бег инсталлирован, – сказал Уви. – Операция закончена.

Сеня глубоко, с опаской вздохнул. Похоже, всё и на самом деле кончилось. Правда, он не чувствовал в себе никаких перемен. Даже ногами специально подвигал, ожидая сам не зная чего: легкости там или силы необыкновенной. Нет, всё было в точности, как прежде. Лишь противно липла к спине футболка, насквозь мокрая от пота.

– Можешь идти, – сказал Уви, стягивая с него громоздкий шлем и при этом немилосердно царапая оттопыренные Сенины уши. – Только деньги оставь. Я говорил: инсталляция без гарантии?

– Говорил, говорил, – прохрипел Сеня, слезая с кресла. – Читер. Жулик подпольный.

Отдышавшись, он достал из кармана шортов тугую пачку купюр, схваченную резинкой. Уви цепко принял оплату.

– Сам ты читер, – спокойно проквашал он. – Перед Играми пришёл. Я всё понял. Честные люди к бонкерам идут. В Интерпланетную клинику. На легальную инсталляцию. Только об этом в паспорте штамп ставят. А тебе надо без штампа. И дёшево. Читер ты и есть.

– Много ты понимаешь! – скривился Сеня. – Мне выиграть надо, потому что... Ну, надо, в общем. А, да чего там с тобой говорить, жаба такая.

Он махнул рукой и вышел из подвала, задев макушкой низкую притолоку двери. Вслед ему неслось пыхтение сегрианца. Сеня был почти уверен, что это не смех. Эх, дать бы ему, жулику, по зелёному рылу, да боязно: вдруг ещё со всей ихней лягушачьей мафией придётся иметь дело. Ну его нафиг.

Снаружи было солнечно, и он на мгновение замер, наслаждаясь золотистым июльским теплом, радуясь, что пережил страшное. На Петроградке стоял обычный летний вечер, от разогретого асфальта шёл запах резины, люди спешили, разворачивали на ходу мерцающие пленки телефонных экранов, с кем-то болтали, смеялись, спорили, курили, жевали – всё без остановки, всё второпях. Поверх домов, бросая тени, плыли увесистые пассажирские коптеры. Над Каменноостровским проспектом блёкло светила три-дэ надпись: «ДЕСЯТОГО ИЮЛЯ – XX ВСЕЗЕМНЫЕ ИГРЫ ДОБРОЙ ВОЛИ», и ниже: «МИР! ИНТЕГРАЦИЯ! ТЕРПИМОСТЬ! ПОКАЖЕМ НАШИМ ГОСТЯМ МИРНУЮ ПЛАНЕТУ!». «Неделя всего осталась, – подумал Сеня нервно. – Надо бы испытать ноги-то. Вдруг Уви обманул?» Он глубоко вздохнул несколько раз, собрался, как обычно перед бегом, но его вдруг пробил такой мандраж, так стало боязно и стрёмно – а ну как не выйдет?! – что Сеня передумал. «Домой поеду, – решил он, – во дворе побегаю. Там хоть никто не увидит... если что». Он еще раз вздохнул, сунул руки в карманы и побрёл к автобусной остановке.

Ему просто необходимо было выиграть. Шансов, если честно, не предвиделось никаких. Когда объявили список, Пингвиныч только рукой махнул: Уэс Диллон, Ченг Пу, Кшиштоф Бойски... И, увидев, как поник Сеня, – засуетился сразу, зачастил скороговоркой: мол, да ты чего, да ты же дебютант, у тебя вся жизнь впереди, здесь главное не победа, а участие, заявить

о себе, выступить со звёздами, и тэ дэ, и тэ пэ. Сеня послушно кивал, соглашался не впадать, а вместо Пингвиныча, вместо душного спортзала перед глазами стояла Маринка, весёлая и недостижимая, как всегда. Как в тот вечер, месяц назад, когда он впервые, опьянев от смелости, потянулся её поцеловать, а она, легко увернувшись, сказала не то шутя, не то серьёзно: «Вот выступишь забег – тогда приходи». И отбежала, пританцовывая. Ещё обернувшись, крикнула весело: «Только первое место, понял?» И, рассмеявшись, убежала окончательно. А он, хотя мог догнать – спортсмен же! – догонять не стал. Ну что он, дурак, что ли, за девчонкой бегать. Впрочем, бегай, не бегай, от себя не убежишь. Навсегда с тобой останутся уши лопухами, веснушки на пол-лица и нос кнопкой, а Маринка...

Сеня обтёр потную шею. Жара стояла такая, что над проспектом дрожало марево. Интересно, что бы сделал Пингвиныч, если бы узнал про Уви? Вообще он Гостей не любит, сегрианцев зовёт жабами, бонкеров – мартышками, а лиоритов именует только матерно. Вот ведь как дело обернулось: ждали-ждали контакта с инопланетянами, думали, что прилетят мудрые зелёные человечки, научат вселенским законам и подарят секретные технологии. Ага, раскатали губу – технологии. А про боевые крейсера бонкеров на орбите не думали? А сырьевым придатком для Содружества не мечтали стать? А кучу зелёных мафиози приютить не собирались? А секретные технологии... Ну, технологии, допустим, мы получили, да. Только для нас, простых ребят, не военных и не учёных, они так и остались секретными. Либо оказались жутко дорогими, как те самые операции в Интерпланетной клинике. Одна польза от этого контакта: мир на всей Земле. Бонкеры на крейсерах с орбиты за этим присматривают. Понятное дело, жутко неудобно выкачивать из планеты всякие полезные ископаемые, когда на планете идут войны за эти ископаемые.

Да, так вот, интересно, что сделал бы Пингвиныч, если бы узнал про то, как его лучший спортсмен перед Играми пошел делать подпольную инсталляцию? Гонял бы по стадиону веником? Публично отрёкся? Застрелил из стартового пистолета? Вообще, простил бы, наверное. Тем более что раскрыть обман не смогут. Наш, земной допинг-контроль такие вещи не засекает, техника слабовата. А мартышки своей техникой делиться отказались. Боятся, черти, что мы разберёмся что к чему, да сами таких же приборчиков настроим, а кто тогда к ним полетит в клинику за бешеные деньги? Так что, если бы и разозлился Пингвиныч сначала, то сразу после Сениной победы и остыл бы. Победителей не судят – вроде так говорится... О, а вот и автобус. Блин, не успею, надо бы поднажать. Бегом!.. Бегом?!

Уви не обманул – это Сеня понял мгновенно. Ощущение было странным и даже пугающим: он не чувствовал, что бежит. Не пружинили мышцы в икрах, не требовали воздуха лёгкие, не разгонялось сердце. Так бывает, когда летаешь во сне. Но в лицо бил упругий воздух, рвался под ноги тротуар, кто-то позади весело заулюлюкал, а стеклянный куб остановки вдруг оказался совсем рядом. Ещё миг – и остановка скрылась за углом вместе с неповоротливым автобусом, а Сеня всё никак не мог остановиться, бежал вперёд, радуясь своей невероятной силе и скорости. Асфальт весело поддавал в подошвы кроссовок, дома мелькали жёлто-серой лентой, встречный ветерок охлаждал разгоряченное лицо. Единственное, что мешало счастью – приходилось следить, чтобы не сбить кого-нибудь с ног. Хорошо, что инсталляция прибавила ещё и ловкости, и в последний момент очередного нерасторопного пешехода удавалось как-то обогнуть. Усталости не было: наоборот, бег словно бы придавал сил.

И он бежал. Мрачный подвал, жуликоватый сегрианец с его пыточной установкой, пережитая боль и пересиленный страх – всё это с каждым шагом уносилось назад, оставалось там, где остался прежний Сеня, не знавший счастья лёгкого, нескончаемого бега. «Маринка!» – вдруг вспомнил Сеня, и ему захотелось петь. Теперь-то он выиграет гонку. Теперь она будет с ним. Только если она это серьёзно тогда сказала... Что за фигня, ну конечно, серьёзно, может, даже хотела ему так помочь, чтобы он победил, типа мотивировать, подстегнуть, ну вот, всё вышло как надо, осталось только на дистанции прийти первым, это вообще легче лёгкого, я как

комета, как метеор, я быстрее урагана! Вот и к дому уже подбежал. Ай да Уви, ай да лягушка! Сеня нехотя перешёл на ленивую трусцу, дивясь, что дыхание осталось таким же, как до пробежки, словно он прошёл всю дорогу медленным прогулочным шагом. Схватился за старую, в три слоя крашенную ручку двери, потянул на себя, шагнул в густой полумрак подъезда...

И оказался в спортивной раздевалке.

В абсолютно незнакомой, большой, светлой раздевалке. Вокруг было полно людей. Кто-то вполголоса, голова к голове, переговаривался с соседом, кто-то деловито натягивал форму. Рядом высокий парень в красных шортах расправлял скомканный телефонный экран, чтобы позвонить. Сеня машинально попятился, но, вопреки ожиданию, не вышел обратно через дверь подъезда на Каменноостровский проспект, а натолкнулся на некое препятствие. Обернувшись, он увидел, что препятствием был живот Пингвиныча.

– Где тебя носит?! – сирым от бешенства голосом спросил тренер. – Регистрация кончилась, все переодеваются, старт через полчаса, меня чуть инфаркт не хватил... Где ты был, Семён?

Остатки волос по сторонам головы Пингвиныча стояли дыбом, образуя что-то вроде седых рожек. Сеня раскрыл рот, но ничего не придумал и стал с раскрытым ртом озиаться, сиюсья понять, что происходит.

– А ну бегом на регистрацию, – буркнул Пингвиныч и довольно чувствительно придал Сене ускорение. Окончательно сбитый с толку Сеня потрусил к дверям. По дороге он еще раз обернулся и увидел, как рослый парень, отложив телефон, надевает футболку. На футболке чернела надпись: «DILLON». «Уэс Диллон? – опешил Сеня. – Я что, уже на забеге? Как это?»

У регистрационной стойки он убедился, что догадка его верна. Каким-то образом, открыв дверь собственного подъезда в Петербурге, Сеня очутился в Марселе, на играх Доброй воли. То есть, перескочил на неделю вперёд и на три тысячи километров к юго-западу. Примерно. Разобраться с этим диким фактом Сене никто не дал, поскольку до забега оставалось полчаса, и пришлось спешно проходить сначала регистрацию, потом тут же допинг-контроль – конечно же, обычный, земной, ни на какие сегрианские инсталляции не рассчитанный. Подгоняемый окриками Пингвиныча, Сеня по-быстрому переоделся в форму с рекламными надписями на трёх языках – русском, французском и интерпланетном для Гостей. Вышел на дистанцию, занял место, выровнял дыхание, не переставая тупо удивляться: как же так, только что бежал по Петроградке, был вечер, жара, а сейчас – утро, облачная прохлада, стадион, толпа гудит. И только когда прозвучал сухой выстрел стартового пистолета, Сеня наконец вспомнил, как Уви перечислял способности. Чтение мыслей, предсказание отдалённых событий, телекинез, временной скачок...

Временной скачок! «Да это же сбой, – озарило Сене. – Тот самый, про который Уви предупреждал. Видно, вместе с быстрым бегом ещё что-то установилось. Или включилось? Вот чёртовы лягушки, напридумывали всякого, что сами разобраться не могут...»

– Беги-и-и!! – истошно заорал со своей скамейки Пингвиныч, и Сеня, спохватившись, ринулся догонять соперников. Сегрианская программа не подвела: всего за несколько секунд бежавшие далеко впереди цветные фигурки приблизились, выросли, поравнялись с Сеней. Он успел услышать тяжёлое дыхание Диллона, ухватил боковым зрением мельканье рук сухопарого Ченг Пу, миновал лидировавшего Бойски, а потом в голове у него словно бы включилось радио. Множество голосов зазвучало одновременно на разных языках, и владельцы этих голосов, кажется, были очень сердиты. Кто-то гневно кричал, кто-то с презрением цедил слова, кто-то визгливо чего-то требовал, и вдруг Сеня без всякого перевода понял, что сердятся они именно на него. «Моя победа! Только моя, не твоя!» «Наверняка под допингом, чертов читер!» «Стой! Не имеешь права! Я самый лучший!» «Догоню! Догоню! Ещё немного, и догоню!» И ещё, и ещё, и всё это – о нём, о Сене. «Телепатия включилась, – с возрастающим ужасом понял он. – Ну, спасибо, Уви, гад земноводный! Что же дальше-то будет?!» Он рванулся впе-

рѣд, наращивая скорость, чтобы оторваться от соперников, оставить позади их гневные кричащие мысли. Сообразил тут же, что бежит слишком быстро, судьи могут заподозрить неладное. Бросил взгляд на трибуны. И увидел такое, что заставило его забыть про Уви, про сбой и даже про саму гонку.

Трибуна была полна звѣзд. То есть, она была полна людей, и Сеня их ясно видел, но в то же время видел, что каждый из них – сияющая, невозможно прекрасная звезда, величественная и огромная. Тем удивительнее было, что никто из них не подозревал о собственном сиянии. Их мысли, которые Сеня теперь отчётливо слышал, были совсем не звѣздными: они думали о деньгах, поставленных на гонку, о домах, автомобилях, правительстве, налогах, о рогаликах и кофе с молоком, о дождливой погоде и строгом начальстве. Каждый из них (вдруг понял Сеня) мог в любой момент осознать свою звездную сущность, разгореться, сотворить новый, чудесный мир, или сделать этот, уже существующий мир, лучше и правильней. Каждый из них (понимал Сеня) был вечным, безначальным и бессмертным, мог плыть по течению времени, как по реке, в будущее или прошлое, или оставаться в настоящем, продлевая крохотный миг на целые эпохи. Каждый (и Сеня в том числе) мог объединиться со всеми остальными, занять место в хоре из миллиарда голосов, и при этом петь неповторимую песню. Но никто об этом не знал. Занятые только собой и своими мелочами, они собрались здесь, смотрели на забег и ждали того, кто займѣт первое место.

И ещё Сеня видел, что на трибунах нет Маринки. Больше того, её нет в Марселе, она сидит дома, в петербургской квартире, болтает по телефону с подругой. Не смотрит гонку и не гадает, кто выиграет, потому что равнодушна к спорту. И к Сене она равнодушна. Те слова про победу были шуткой, Маринка забыла про сказанное через пару минут. Она не будет с ним, даже если он победит в каждом состязании на Всеземных играх. Да это и к лучшему: Маринка – вовсе не та, какой кажется Сене... то есть, казалась ещё пять минут назад, до того как включились все скрытые программы. Сейчас он ясно понимал, что, сойдись они, их ждало бы разочарование, быстрое и горькое. Но однажды, если и он, и она изменятся, станут мудрее и опытнее, у них будет возможность стать чудесной парой. Когда это произойдѣт? Не важно: и будущее, и прошлое, и вероятное, и сбывшееся – всё это очень близко, грань между ними зыбка и легко устранима. Всё проходит, всё повторяется. У каждого человека есть много шансов сделать всё честно и правильно, стать лучше и умнее. И когда-нибудь каждый поймѣт, что он – яркая звезда.

Звезда, а не читер.

Трибуны качнулись и расплылись. Сеня пришѣл в себя и обнаружил, что всё ещё бежит. Обернувшись, он снизил темп, а потом и вовсе перешѣл на шаг, позволив тем, кто остался позади, нагнать себя. Трибуны зашумели, а он сошѣл с дорожек на газон и спокойно смотрел, как приближается невозмутимый Ченг Пу, как бежит в полуметре за ним Диллон, как яростно вскидывает голени отстающий Бойски. Проводив взглядом последних бегунов, он сел на колко подстриженную траву, вытянул нисколько не уставшие ноги и стал ждать. Ожидание было недолгим: через пять минут толпа ликующе взревела, громоподобный голос объявил о победе – выиграл всё-таки Диллон – и на стадион потянулись люди. Сверкали фотовспышки, мельтешили разнокалиберные флаги, гудели репортѣрские коптеры. «Пойду, что ли, переоденусь», – решил Сеня, поднялся и увидел, что от трибун к нему идѣт Пингвиныч. Тренер шагал неторопливо, и было заметно, что он прихрамывает: видно, растревожилась старая травма, как всегда в сырую погоду. Подойдя, он поманил Сеню пальцем. Сеня приблизился. От неловкости он не знал, куда деть руки, и обхватил себя за локоть.

– Ты почему остановился? – спросил Пингвиныч спокойно. Глядел он куда-то вбок, сутулясь и наклонив голову. Сене было очень жаль старика, но он не мог ничего поделать. Не мог даже ответить на вопрос. Вернее, мог, но это расстроило бы Пингвиныча ещё больше.

– Простите, – сказал он искренне. – Это просто сбой.

– Какой еще сбой? – сморщился тренер. – Сбой у него...

– Простите, – ещё раз сказал Сеня.

– Да что «простите»? – Пингвиныч вдруг сверкнул глазами и зашипел, надвигаясь на Сеню. – Что мне твоё «простите»? Ты у себя прощения проси, ты же осрамился на всю планету, крест на карьере поставил! Дурак, щенок несчастный! Всё, всё прогадил! Ух-х, я тебе...

Пингвиныч замахнулся старческим рябым кулачком. Сеня – хоть был выше и шире в плечах – отшатнулся, вжал голову в плечи, выставил для защиты ладони...

И очутился в кресле перед экраном. Шлем давил на голову, колол виски шипами, стягивал нижнюю челюсть. На экране плясала разноцветная метель. Где-то в дальнем углу подвала капала вода. Сеня мигом всё понял и задёргался в кресле, пытаясь высвободиться.

– Подожди! – заорал он. – Стой!!

Экран заслонила большая голова сегрианца. Уви пощёлкал синюшными пальцами, издал сложный лягушачий звук и сдёрнул шлем с Сениной головы, больно зацепив оттопыренные уши. Сеня скатился с кресла и отпрыгнул на пару шагов для пущей безопасности.

– Временной скачок, – пропыхтел он. – Ты мне лишнего установил. Много всего.

Уви внимательно осмотрел шлем, потом перевёл взгляд на Сеню. Глаза его забавно выпучились, потом еще забавнее сузились.

– Всё-таки случился сбой, – констатировал он. – Я же говорил: без гарантии. И чего теперь?

– А ничего, – уже спокойнее произнёс Сеня. – Я передумал. Не надо мне быстрого бега. Уви смотрел на него, надувая горло.

– И вообще ничего не надо, – добавил Сеня смущённо. – У меня, оказывается, всё есть.

– Ну и хорошо, – сказал Уви и опять щёлкнул пальцами. – Только денег не верну, учти.

– Каких денег... – начал было Сеня и осёкся. «Ну да, – подумал он, – всё верно. Я же ему уже заплатил. Хотя как это? Я же платил тогда, когда еще не знал, а это уже после того, как сейчас... Тьфу ты, запутался. Да и хрен с ним».

– Это временной парадокс, – объяснил наблюдавший за ним Уви.

– А-а, – уважительно отозвался Сеня. – Понятно.

Ему было ничего не понятно, но всё это совершенно не имело значения. Когда-нибудь он станет звездой. Когда-нибудь мы все станем звёздами. И Маринка, и Пингвиныч, и даже, наверное, Уви. Надо только об этом помнить.

– Тебе пора, – квакнул сегрианец. – Иди давай.

– Иду уже, – улыбаясь, откликнулся Сеня.

И телепортировался на улицу.

Гандикап Щипача

Руслан Лютенко

Джеймсу Герберту Бреннану

На рукоятке иглока нашли отпечатки пальцев Игоря. Кровь убитого была на его руках, когда полиция ворвалась в контору. Накануне между ним и Гариповым произошла ссора того рода, после которой дружба обычно прекращается, то есть наличествовал мотив. И всё-таки Игорь Щипач был на сто процентов уверен, что так быстро его взяли в оборот и вынесли вердикт из-за фамилии. Нужно было менять её, ещё когда он подался в адвокаты.

В зале суда стояла тишина. Она будто распространялась от коробки робота-рихтера и подавляла как присяжных, ютившихся по правую от него сторону, так и Щипача, впервые оказавшегося в роли подсудимого. И куда только делась его хвалёная раскованность, красноречие, знание буквы закона! Голова опустела, накатила слабость и растерянность. Адвокат Игоря смиренно склонил голову, ожидая вердикта, с которым безуспешно боролся на протяжении процесса. Чёртов дилетант!

– Игорь Борисович Щипач, – раздался отжатый от эмоций голос рихтера. Робот уже проанализировал все имеющиеся данные вкупе с мнением суда присяжных и сопоставил их с действующим законодательством. – За убийство первой степени суд приговаривает вас к казни через смертельную инъекцию. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Ваше последнее слово, Игорь Борисович.

На протяжении вердикта Щипач не отрываясь смотрел на верхние уровни улицы через большие арочные окна. Солнце било сквозь стёкла чистым светом, и лишь иногда тени воздушного транспорта проносились по залу суда, перекрывая золотистый поток. Я умру и больше никогда не выйду на улицу, с дрожью подумал Игорь. Голова по-прежнему оставалась пустой, лишь где-то на периферии крутилась мысль, не дававшая покоя ни на минуту. Отважится ли он?

– ...

– Повторите, пожалуйста, – раздался голос рихтера через подушечки колонок.

– Я... я хочу прибегнуть к шестнадцатой поправке.

Со стороны присяжных раздалось удивлённое восклицание. От людей пополз шёпот, будто растворивший в себе удушающее облако молчания, распространяемое роботом-судьёй. Впрочем, рихтер быстро навёл тишину, стоило ему только заговорить.

– Поправка шестнадцатая: осуждённый на смертную казнь вправе бросить вызов шахматной программе СК. В случае победы осуждённого наказание заменяется на пожизненное заключение. Именно к этой поправке вы хотите прибегнуть, Игорь Борисович?

– Да, Ваша честь, – обычно Щипач испытывал внутреннее раздражение, когда приходилось обращаться к роботу подобным образом, но сейчас его отношение к немецкой железяке в корне поменялось. Рихтер будто стал настоящим человеком, в руках которого находилась жизнь Игоря.

Молчание судьи длилось несколько секунд: робот производил вычисления и анализировал прецеденты.

– Очень хорошо, – выдал он наконец стандартную фразу. – Суд считает требование осуждённого подлежащим удовлетворению. Согласно пункту третьему поправки шестнадцатой у осуждённого есть три дня на подготовку к партии и три тренировочных игры с шахматной программой СК. Также ему на это время предоставляется персональный тренер в случае, если осуждённый захочет повысить свой уровень владения игрой. Кроме того, согласно пункту пятому, партия будет транслироваться в прямом эфире по всем телеканалам страны.

Щипач тяжёлым взглядом упёрся в коробку рихтера. И почему у него такое чувство, будто робот насмехается над ним, а в его механическом голосе проскальзывают издевательские нотки? «Повысить уровень владения игрой»... наверняка рихтер уже знает, что Игорь в шахматах ни черта не смыслит, да и будь он хоть трижды этим... как его... гроссминомстером, против Чесскиллера шансов у человека никаких. Поэтому и радуется жестянка, в этом Игорь был уверен на сто процентов.

Динамики на туловище судьи издали звук, имитирующий тройной стук молотком, трижды отдавшийся у Щипача в грудной клетке.

– Заседание окончено.

В зал вошли два охранника, сопровождавшие Игоря до изолятора. Присяжные, шушукаясь, двинулись к боковой комнате, где их ждал накрытый стол. А вся страна уже знала, что впервые за семь лет кто-то рискнул сыграть с роботом в шахматы на свою жизнь.

* * *

По роду деятельности Игоря очень интересовали необычные законы и их история. Например, во Франции до сих пор не разрешается называть свинью именем Наполеон. В Техасе нельзя ходить с кусачками в кармане. В Тропее закон запрещает некрасивым женщинам появляться на пляже раздетыми. Шестнадцатая поправка – смертная казнь может быть отменена и заменена на пожизненное заключение, если осуждённый выиграет у программы ChessKiller в шахматы – была, наверно, самым необычным законом среди всех, особенно учитывая то, что законодательство страны, породившей её, не привыкло к шуткам в области уголовного права.

А история поправки была таковой.

В 2027 году – на заре роботизации – была разработана программа, поставившая крест на шахматах. Поэтому её так и называли – ChessKiller. Щипач не вникал в техническую сторону проблемы, он понял только, что программа не работала по модному сейчас принципу нейросетей – в неё, сгенерированные на специальном алгоритме, просто были вбиты все ходы, которые только возможны в шахматах, и ход на каждую позицию, с наибольшей вероятностью ведущий к победе. Отныне человек не мог больше обыграть компьютер, и это, по сути, убило шахматы. Большие турниры прекратились, все гроссмейстеры ушли в шахматы Фишера и им подобные, а сама игра превратилась в забаву для пенсионеров и немногих оставшихся фанатов. Одним из которых оказался президент ***. Чтобы возродить интерес к любимой игре он и протолкнул шестнадцатую поправку, потратив на это столько усилий, что об этом можно было рассказать отдельную историю.

И интерес действительно вспыхнул. Чего уж там, новый закон произвёл эффект разорвавшейся бомбы. Игорь, тогда ещё юнец, помнил тот бум вокруг шахмат. Почти каждый приговорённый к смертной казни спешил прибегнуть к заветной поправке, и каждый день визоры транслировали партию между заключённым и Чесскиллером. Один из знакомых Щипача, мотавший тогда срок на зоне, рассказывал, что на какое-то время шахматы в тюрьмах вытеснили даже карты. Игорь пытался представить камеру, внутри которой покрытые татуировками авторитеты «рубятся» в древнейшую игру, но безуспешно.

Закон допускал лишь одну партию в день, поэтому пришлось ввести особое правило: все, кто не успел сыграть с компьютером в течение трёх суток после обращения к поправке, подлежали казни в установленном предыдущим решением суда порядке. Это предотвращало возможность избежать лап закона путём простаивания в очереди годами. В те времена на игру попадал один человек из нескольких сотен. Но Игорь мог не волноваться из-за этого – сейчас он был единственным, кто захотел играть. Остальные уже на протяжении семи лет предпочитали старую добрую инъекцию. Их можно было понять.

Щипач помнил первую игру за жизнь. В тот день, наверно, опустели все улицы мира, а зрительский рейтинг «Шоу Робо-Опры» в забугорье упал до нуля. Против компьютера вышел Валерий Харченко («прецедент Харченко» впоследствии вошёл в юридические анналы) – человек, в пьяном угаре поджёгший дом, где находилась вся его семья. Он был высоким, жилистым и грозным на вид. Глаза убийцы внимательно изучали охрану, зрителей, шахматную доску и самого робота. Чесскиллер поставил Харченко мат на восемнадцатом ходу. Это заняло около шести минут, и Щипач до сих пор помнил, как довольное выражение всё это время сходило с лица преступника. У него не было абсолютно никаких шансов, его противником был не человек, на которого можно надавить, запугать. Робот не знает жалости и страха, он видит расклад и делает ход. Шестнадцатая поправка могла с тем же успехом в случае победы гарантировать осуждённому амнистию, мешок золота и пятьдесят гурий. Когда Харченко уводили, тот уже был сломан.

За десять лет существования Чесскиллера никто не смог выиграть у программы, ни одному гроссмейстеру не удалось свести партию даже к ничьей. Что уж говорить о кучке зеков из низов – ведь именно там и происходило подавляющее количество преступлений. Соблазнительный поначалу шанс превратился в насмешку. Да, есть три лишних дня жизни, а потом ты станешь очередным глупцом, который проиграл машине на глазах миллиардов людей. А если при этом ещё не умеешь играть...

Но Игорь отличался от всех остальных тем, что действительно был невиновен. На нём идеальная машина правосудия середины двадцать первого века допустила ошибку. Однако Щипач верил в неё и готов был стать посмешищем для всего мира, лишь бы получить вождьленную отсрочку.

Эти три дня он намеревался использовать по полной.

* * *

Шахматного тренера, положенного ему по закону, ввели в камеру, когда Щипач усиленно изучал материалы своего дела. Объёмная голографическая модель – их визуализация – зависла перед его лицом, уходя зелёными лучами-лазерами в проекционную линзу на планшете.

– Опасная игрушка, как я слышал, – хмыкнул тренер, указав пальцем на призрачное изображение иглока, расположившееся в центре модели.

– Да, и друзьям на день рождения её лучше не дарить. Или, по крайней мере, не оставлять на ней своих отпечатков, – Щипач окинул шахматиста хмурым взглядом.

Тренером Игоря оказался дородный мужчина с седой шевелюрой, одетый в строгий костюм. Его гладко выбритое лицо выражало интеллектуальное превосходство и скуку – очередного зека надо научить шахматам! Слегка прищуренные глаза говорили о не так давно проведенной операции по коррекции зрения. В руках он держал шахматную доску.

– Ваша игрушка тоже ничего, – сказал Щипач. – Настоящее дерево?

– Да, – тренер позволил себе улыбнуться. – Раритет. Позвольте представиться – Алексей Леонидович Комов.

– Комов? Звучит знакомо...

– Я – чемпион мира по шахматам 2026 года. Последний чемпион.

Игорь с интересом уставился на собеседника.

– Вот как? – удивился он. – Да, припоминаю. Только вы не последний. Последний и действующий до сегодня чемпион разбил всех гроссмейстеров на Великом Вызове в 2028 году. Вы ведь к поединку с ним меня пришли готовить?

С Алексея Леонидовича вмиг слетело благодушие. Он нервно ущипнул лацкан своего представительного пиджака, чем обратил внимание на приколотый к нему значок, поблёс-

кивающий золотом в свете энергосберегающей лампы. Белый ферзь, а под ним мелкая надпись. «По...

Тренер сделал шаг вперёд, Игорь поднял на него взгляд.

– Да. И я очень надеюсь, что вы проявите достаточное рвение, ведь от этого зависит ваша... ваша... Что смешного я говорю?

Шпилька Щипача, а теперь и его язвительная улыбка сбили тренера с толку. Он раскраснелся, пальцы отбивали мелкую дробь по древней шахматной доске.

– Алексей Леонидович, сколько раз вы выигрывали у Ческиллера?

– Ни разу.

Игорь уважительно хмыкнул. Молодец мужик, не юлит. Не такого он ожидал от «ботана-шахматиста». И всё же Щипач был рад, что поставил его на место.

– Так чего вы – чемпион мира, гроссмейстер с многолетним опытом – ждёте от меня – обывателя, у которого в запасе лишь три дня? Как насчёт такого: я освобождаю вас от обременительной обязанности, а вы не мешаете мне изучать дело, потому что, уж извините, на него я возлагаю больше надежд.

– Что ж. Очень жаль.

Алексей Леонидович развернулся, но Щипач успел заметить выражение его глаз. Мол, сдыхай, я умываю руки.

А Игорь вернулся к материалам.

* * *

Утро выдалось тяжёлым.

Между ним и его семьёй была лишь мембрана толщиной в несколько молекул. Никакого видимого препятствия: протяни руку – разметаешь их, коснёшься щеки супруги, вытрешь слезинку. Вот только атомы мембраны копировали структуру алмаза, и проще было прошибить лбом бетонную стену. Игорь прижался к пустоте, будто так он был ближе к ним – жене и сыну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.